СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

XV СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА:
- РЕПОРТАЖ ИЗ КРЕМЛЯ — 1 стр.
- ПОСЛАНЕЦ ГРУЗИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ОЧЕРК) — 2 стр.

СПОР ИДЕТ... СТАТЬИ Н. АМОСОВА, Вс. ВОЕВОДИНА, Т. ХМЕЛЬНИЦКОЙ — 2 и 3 стр.

НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ СООБЩАЕТ ИЗ ТАШКЕНТА — 1 и 2 стр.

ПРОЕКТ «ИСЛАМСКОГО ПАКТА» — 4 стр.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й
№ 58 (3981)
ЧЕТВЕРГ, 19 МАЯ 1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ!

На XV съезде ВЛКСМ

XV съезд комсомола. Кремль. Дворец съездов. Это красиво, это великолепно, когда много людей, тысячи, тысячи, и они радостно одушевлены. В каждом из них что-то *особенное* — улыбка, жест, поворот головы, — и все это объединено отчетливо ощущаемым слитным ритмом. Ритмом, который рождается изнутри. Если эти люди к тому же юны, невольно думаешь о завтрашнем человечестве. О человечестве без войн, экономических потрясений, унижения и горя, утверждающем на планете торжествующую человечность. Мечта о таком человечестве пережила в течение многих веков ряд сложных состояний — от расплывчато восторженного до научно глубокого и научно точного. Мечта стала философией, стала наукой. И кажется, что не случайно на старых революционных, комсомольских стягах, которые украшают в дни работы съезда ВЛКСМ Дворец съездов, эти слова, вышитые старинной вязью — наука, борьба, мечта, — сближены. Но о стягах потом...

Среди многих замечательных особенностей нашего сегодняшнего общества есть одна, о которой, не переставая, все более сосредоточенно думаешь на нынешнем, XV съезде комсомола: думаешь о том, что социологи называют «демографическим эхом войны».

В большой мир входят миллионы детей родившихся после победы...

Сегодня они уже не дети. В нашем обществе становится все меньше молодых людей в возрасте от 21 до 25 лет (тех, кто родился в трудные годы войны) и все больше в возрасте от 15 до 20 лет. Комсомол переживает бурный процесс омоложения. На пороге этого значительного и глубокого процесса стоит все наше общество.

Перед началом заседаний и в перерывах мы листали толстую книгу — список делегатов XV съезда ВЛКСМ, исследуя только одну графу: год рождения. Мелькали даты: 1949... 1950... 1948... 1950...

— Пятидесятый пошел на съезд! Ты подумай!.. — воскликнул кто-то за нашей спиной с неподдельно искренним и трогательным в этой искренности изумлением. — Старики мы с тобой, Костя...

Оборачиваемся: два делегата. Лет «старикам» двадцать пять — двадцать восемь...

Да, год рождения: пятидесятый.

Кажется, это было так недавно, было вчера: во Франции на рельсы легла Раймонда Дьен, в Москве на Ленинских горах начинали строить университет, старики в колхозах подписывали Стокгольмское воззвание. В течение одного «человеческого совершеннолетия» мир изменился неузнаваемо. В том, шестнадцатилетней давности, мире не было независимой Африки, космонавтов, Дубны, этого Дворца съездов в московском Кремле, куда сегодня входят как общественные деятели люди, родившиеся после войны. Это к ним были обращены слова приветствия ЦК КПСС: «Нас, коммунистов, радуют идейная стойкость, оптимизм и неиссякаемая энергия советских юношей и девушек в строительстве новой жизни».

НИ ОДНО поколение в истории человечества не получало в наследство столь сложный мир. Чтобы стать хозяином этого мира, надо его понять, философски освоить.

О том, что «молодое поколение наследует от своих отцов колоссально усложнившийся производственный, научно-технический и общественный организм», говорил Леонид Ильич Брежнев. Мысль эта была выражена и в докладе первого секретаря ЦК комсомола С. П. Павлова, к ней возвращались многие делегаты.

Эта мысль, естественно, «тянула» за собой ряд смежных мыслей: например, о резко возрастающей роли общественных наук, о повышенной степени ответственности художественной интеллигенции перед юными.

Первый секретарь Московского горкома ВЛКСМ В. Трушин говорил об античных художниках, творения которых отличались величием, потому что эти художники посещали философские школы.

Видимо, никогда еще от наших художников не требовалась такая степень философского осмысления сложной действительности, как сейчас.

Если еще вчера не в меру уверенно шедшие умы рассуждали публично о «веке физиков», о «веке математиков», то сегодня здраво и трезво в повестку дня ставится вопрос о «веке философии».

И если попытаться сформулировать сжато одну из главных особенностей первых двух дней работы съезда, то это пафос философского, марксистско-ленинского освоения действительности.

И рядом — занявший видное место в работе первых двух дней съезда вопрос о глубоком отношении к традициям.

Теперь можно вернуться к стягам... Старые, выцветшие комсомольские знамена — реликвии героических лет, безмолвные свидетельства минувших свершений и подвигов. Их склоненные полотнища — в Гербовом зале Дворца. В перерывах между заседаниями под их сенью — живой, бурлящий человеческим потоком — белые и сиреневые платья, тюбетейки, куртки, сержантские погоны, цветы, медали, фотоаппараты, пиджаки, блокноты... Наше время — середина шестидесятых годов — казалось комсомольцам 20-х и 30-х неслыханно далеким, фантастическим. Но как внятно слышишь сегодня перекличку эпох...

«Иди в наш стан, пока не поздно. Учись работать! Жить учись!» — так неровными буквами нанесли на кумач комсомольцы московского завода «Изолятор» в тот год, который был последним для Владимира Ильича. И, видимо, вспоминая его любимую мысль, добавили еще строчку:

«Наука — лучшее орудие в борьбе классов».

Современно. И о науке. И о классовой позиции.

Уважение к науке, интеллигентности, к творческому началу в человеке пронизывает весь стиль работы XV съезда комсомола. В. Трушин с гордостью рассказывает, что выпускник МГУ Всеволод Балашов в 30 лет стал доктором физико-математических наук, а в 31 — профессором. И что в институте имени Курчатова 20 молодых научных сотрудников были удостоены Ленинской премии.

Мы видим в президиуме Юрия Журавлева. Этот молодой человек потряс недавно почтенный ученый синклит в Соединенных Штатах; посланник советской научной молодежи выступил с поразительным по смелости и новизне сообщением о закономерностях кибернетической логики.

Самый стиль выступающих, их аргументация, широта кругозора весьма примечательны. Комсомольцы ищут рационального решения многих важных социальных и экономических проблем. Но характеризует ли рационализм внутренний облик поколения?

Огромный зал горячо отнесся к словам Макаренко, которые С. П. Павлов напомнил делегатам: «...самые лучшие дети бывают у счастливых родителей... Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети, — будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлеките ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем».

И когда посланец Волгоградгидростроя Г. Колибошин рассказал с трибуны, что несколько дней назад, 9 мая, у него родилась дочь, зал аплодировал так же одушевленно, как он аплодировал посланцам Южного Вьетнама, Юрию Гагарину...

Зал аплодировал человеческому счастью.

В работе съезда слышится могучее жизнеутверждающее «да». Да — детям. Да — нашей весне, да — человеческому счастью.

— Ленин с нами, Ленин с нами! — сколько раз где-то в глубине амфитеатра возникал речитатив юных голосов. Его сразу подхватывали и партер, и балкон. И вот уже весь дворец чеканит кредо поколения, призыв и клятву.

После первого дня съезда мы говорили с одной из самых юных делегаток, школьницей Таней Гавриловой из города Яранска Кировской области.

— Что меня больше всего взволновало? Когда вносили знамя... И все встали... — она очарованно улыбнулась, девушка, почти девочка.

Надо неустанно искать новые формы жизни и работы, соответствующие неповторимому, небывалому своеобразию наших дней, оставляя неприкосновенным вечный огонь. Об этом говорили и докладчик, и многие делегаты.

Был ли конец заседания? Просто ли закончились деловые речи и начался концерт? Быть может, самым поразительным моментом дня был такой: на сцене пели солист и хор. И вот солист повернулся к боковой ложе — там сидели ветераны революционных битв.

— Среди нас тот, кому жал руку Ленин, старейший коммунист планеты...

Зажегся свет, и все увидели в глубине ложи сутуловатую, но еще крепкую фигуру Ф. И. Петрова, человека, который стал коммунистом на исходе XIX века...

М. ЗЛАТОГОРОВ, Е. МИХАЙЛОВ

***

17 мая, в первый день работы съезда комсомола, выступили также председатель Центральной Ревизионной комиссии ВЛКСМ Р. Мусиевский, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины Ю. Ельченко, первый секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ Р. Николаев, первый секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана У. Джанибеков.

С горячими приветствиями к делегатам съезда ВЛКСМ обратились президент Всемирной федерации демократической молодежи Р. Мекини и посланцы братских коммунистических союзов молодежи из Болгарии, Венгрии, ГДР, Франции.

Второй день работы съезда. Выступают первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии Г. Жабицкий, первый секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана Р. Абдуллаева, комбайнер из Алтайского края В. Денисенко, первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии О. Черкезия, первый секретарь ЦК ЛКСМ Литвы А. Чеснавичус, горновой из Криворожья А. Миронов, первый секретарь Татарского обкома ВЛКСМ Р. Беляев, писатель, лауреат премии Ленинского комсомола В. Чивилихин, секретарь ВЦСПС И. Владыченко и другие товарищи.

Съезд бурно, по-братски встречает выступление секретаря ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама Хо Чука.

ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

В день открытия XV съезда ВЛКСМ были оглашены имена первых шести лауреатов премий Ленинского комсомола. Премии за лучшие произведения в области литературы и искусства будут присуждаться ежегодно в день рождения комсомола — 29 октября. В этом году ЦК ВЛКСМ счел необходимым приурочить присуждение высоких наград к открытию XV съезда комсомола.

Премия Ленинского комсомола присуждена выдающемуся советскому писателю Николаю Островскому — автору бессмертных книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», ставших боевым оружием комсомола в воспитании молодых советских патриотов.

Премии Ленинского комсомола 1966 г. за произведения литературы и искусства с вручением диплома и медали лауреата присуждены: писателю Нодару Думбадзе за повести «Я вижу солнце» и «Я, бабушка, Илико и Илларион»; кинорежиссеру Витаутасу Жалакявичусу за сценарий и режиссуру кинофильма «Никто не хотел умирать»; композитору Александре Пахмутовой за цикл песен о молодежи и комсомоле; писателю Владимиру Чивилихину за повести «Серебряные рельсы», «Про Клаву Иванову» и «Елки-моталки»; Театру юного зрителя имени Ленинского комсомола (Киев) за спектакль «Молодая гвардия».

СПУТНИК СВЯЗИ «МОЛНИЯ-1» ПЕРЕДАЛ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

18 мая 1966 года был проведен опыт по наблюдению Земли и впервые получено телевизионное изображение Земли.

Съемки производились с высоты 30—40 тысяч километров. Изображения принимались станциями командно-измерительного комплекса, расположенными в различных районах Советского Союза.

Воспитывать патриотов Родины

По инициативе Министерства обороны СССР и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота в Москве в Центральном Доме Советской Армии состоялось совещание, обсудившее вопросы военно-патриотического воспитания советской молодежи. Речь шла о новых задачах в этой области в связи с решениями XXIII съезда КПСС, о роли литературы и искусства в формировании высоких моральных качеств советской молодежи.

На совещании присутствовали руководящие работники Министерства обороны СССР и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, офицеры и солдаты частей Московского гарнизона, деятели литературы и искусства столицы. Открыл совещание начальник Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. Епишев. Он говорил о воспитании молодого поколения на революционных и героических традициях. Речь идет, сказал А. Епишев, о всестороннем воспитании советского гражданина как пламенного патриота Родины, способного в любой обстановке оставаться ее верным сыном. А. Епишев призвал деятелей литературы и искусства внести свой вклад в дело коммунистического воспитания советской молодежи, воинов армии и флота.

В большом творческом разговоре приняли участие писатель А. Софронов, композитор В. Мурадели, кинорежиссер Г. Чухрай, президент Академии художеств СССР В. Серов, писатель И. Стаднюк, кинооператор Р. Марков и другие. В заключение выступил первый заместитель Министра обороны СССР Маршал Советского Союза А. Гречко.

В работе совещания приняли участие писатели Г. Вагинов, Г. Берзин, Е. Воробьев, Е. Долматовский, А. Исбах, Г. Мдивани, А. Первенцев, А. Салынский, С. С. Смирнов, В. Субботин и другие.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОЭЗИИ

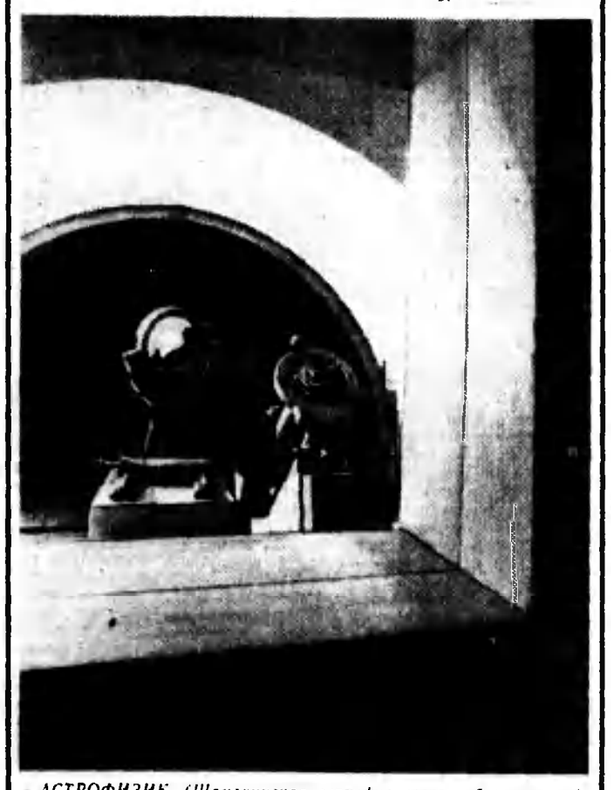
Вчера в Центральном Доме Литераторов начал свою работу пленум правления Московского отделения Союза писателей РСФСР, посвященный задачам советской поэзии в свете решений XXIII съезда КПСС и подготовки к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Пленум открыл первый секретарь правления московской писательской организации С. Михалков. Вступительное слово произнес секретарь правления С. Наровчатов.

Сегодня пленум продолжит свою работу.

НАШ СОВРЕМЕННИК

Из снимков, поступивших на конкурс



АСТРОФИЗИК (Шемахинская астрофизическая обсерватория)

Фото Г. Коносова (Москва)

У степного ориентира

Фото Л. Беляева (Днепропетровск)

Форум писателей Казахстана

В зале заседаний Верховного Совета Казахской ССР вчера начал работу V съезд писателей республики. Съезд открыл первый секретарь правления Союза писателей Казахстана А. Шарипов.

Приветствие ЦК КП Казахстана съезду писателей зачитал секретарь ЦК КП республики С. Имашев. С отчетным докладом о работе казахских литераторов между IV и V съездами выступил Дж. Мулдагалиев, с содокладами о прозе — Т. Ахтанов, в поэзии — Х. Бекхожин, о критике — М. Каратаев, о драматургии — А. Тажибаев. Творчество русских писателей республики охарактеризовал в своем докладе А. Ананьев, о творчестве уйгурских писателей говорил Х. Абдуллин, сообщение о работе ревизионной комиссии сделал М. Джангалин.

На форуме присутствуют представители почти всех союзных и автономных республик страны. Делегацию писателей СССР и Российской Федерации возглавляет Леонид Соболев, Узбекистана — Гафур Гулям, Туркмении — Берды Кербабаев, Украины — Д. Гринько, Азербайджана — М. Сулейманов, Латвии — Э. Вилис, Литвы — В. Петкявичюс, Белоруссии — В. Корбан, Армении — С. Куртикян, Эстонии — Э. Маазик, Молдавии — И. Ставский, Таджикистана — М. Каноатов, Калмыкии — Д. Кугультинов, Киргизии — Т. Уметалиев, Башкирии — Н. Наджми, Татарии — Х. Хайри, Якутии — М. Ефимов, Чечено-Ингушетии — М. Мамаев, Грузии — О. Челидзе, Кара-Калпакии — Н. Курбанбаев, Ленинграда — В. Инфантьев.

В работе съезда принимают участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. Кунаев, председатель Совета Министров республики М. Бейсебаев, секретарь ЦК Компартии Казахстана С. Имашев.

АЛМА-АТА (Наш корр.)

колонка обозревателя

И снова бой...

...Придя в Театр эстрады на тринадцатую партию матча, я остановился перед книжным киоском. Толпа брала его «с боем». У нас очень мало издается шахматной литературы, поэтому каждую новинку миллионы любителей встречают, как праздник. Я тоже поспешил приобрести новую книгу. На обложке ее значилось: Игорь Бондаревский — «Борис Спасский штурмует Олимп».

— Тоже купили? — спросил один из знакомых. — Эта новинка сегодня впервые появилась в продаже.

«Символично, — подумал я. — Может, сегодняшней партией Спасский начнет выбивать себе ступени на Олимп? Слишком уж долго он шел «по следу» Петросяна, соглашаясь с тактикой противника».

Пожалуй, так и случилось. В многократно испытанной защите Каро-Канн Спасский несколько изменил план действия. Тонкая стратегия белых начала вырисовываться после двадцатого хода. Этим ходом Спасский показал, что боится только одного: мирного исхода. Не считаясь с ослаблением пешечной цепи, защищавшей белого короля, он бросился в атаку. Петросян в ответ решил пожертвовать ладьей и, захватив неприятельского коня, остановить атаку. Пожалуй, это было правильное решение, и чемпион добился бы желаемого, но ему пришлось познать и «прелести» центнота. Партию отложили в ходьей для черных позиции. Весь следующий вечер она доигрывалась и оказалась самой длинной в матче. Усталые, нервничавшие соперники теперь по очереди не раз упускали свое счастье, но уйти от поражения Петросяну так и не удалось.

Во время четырнадцатой партии чемпион был неузнаваем. Ни в одной из предыдущих тринадцати партий он не играл так пассивно. И только стойкой защитой, стоившей огромных усилий, он смог добиться ничьей. Но я и как гроссмейстер, и как просто зритель не жалуюсь: дай бог побольше таких острейших поединков, как этот!

Что можно сказать о чемпионе мира? В первой половине матча он показал себя в самом выгодном свете: замечательно вел борьбу во всех стадиях партии, тонко маневрировал, наносил комбинационные удары. Это последнее особенно радовало любителей шахмат — ведь прежде говорили, что Петросян не любит острых атак. Однако уже начиная с одиннадцатой партии чемпион вел себя за доской, я сказал бы, чересчур «либерально», позволяя себе соглашаться на ничью в позициях с преимуществом.

Пятнадцатая партия показала, что чемпион мира недоволен собой и желает изменить неторопливую тактику. Разыграв сицилианскую защиту, он предложил противнику «ближний бой». Дуэль приняла психологический характер. Спасский в ответ отказался от своей прежней «политики». Если раньше он старался навязать энергичную игру, то теперь вдруг стал медлительным. Партия закончилась вничью. А мы лишний раз убедились, что претендент не намерен идти на поводу у чемпиона.

Очень интересно, как дальше сложится поединок.

Мне всегда казалось, что большого успеха человек может добиться только тогда, когда ярко проявится его индивидуальность. Спасский при всей своей шахматной разносторонности все-таки тактик. И на успех он может рассчитывать, если ярко проявит свой комбинационный талант.

Леонид ШТЕЙН,
международный гроссмейстер, чемпион СССР

ВСАДНИК С ГОЛОВОЙ

ПРЕЗИДЕНТ Джонсон сделал на днях заявление, в котором, касаясь проблем исследования Луны и других небесных тел, в частности, сказал: «Ни одной стране не должно быть дозволено устанавливать на каком-либо небесном теле оружие массового уничтожения. Там должны быть запрещены испытания оружия и военные маневры».

Эти строки прокомментировал французский фельетонист Андре Фроссар, который в газете «Фигаро» почти в каждом номере ведет на первой странице маленький отдельчик, озаглавленный «Одинокий всадник». Прямо скажем, это — «всадник с головой», он вооружен острым пером, и встречи с ним совсем не безопасны. Вот что написал Фроссар по поводу заявления главы американского правительства: «Предложение президента Джонсона... чрезвычайно интересно и соблазнительно. Оно было бы еще более интересным и соблазнительным, если бы его сформулировать «наоборот»: «Ни одной стране не разрешается устанавливать оружие массового уничтожения нигде, кроме как на Луне, где должны в обязательном порядке проводиться любые военные маневры и любые испытания оружия».

Выдвигая свое контрпредложение, Андре Фроссар смело приводит аргументы в его пользу. «Действительно, — пишет он о Луне, — мы располагаем там (если можно так выразиться) незаселенным пространством, пустыней, где ничто не может быть разрушено оружием массового уничтожения, это единственное известное нам место, где можно играть с атомами, не беспокоя никого. Но вы видите, куда я клоню: давайте объявим нейтральной зоной прежде всего Землю».

Нельзя не согласиться с разумностью заключительного вывода «одинокого всадника». Но, думается нам, он с меньшим спокойствием писал бы о пригодности Луны под «военный полигон», если бы был более осведомлен в конкретных имеющихся в США проектах использования Луны под военную базу.

Известный французский публицист Жак Бержье опубликовал в прошлом году в журнале «Планет» обстоятельную статью, где рассматриваются планы небезызвестной американской организации «Рэнд корпорейшн», составившей подробный проект милитаризации Луны. В «оккупационных» расходах предусмотрено все, вплоть и число кроликов, которых придется разводить для питания «лунного гарнизона».

«Лунная колония, — пишет Бержье, основываясь на документах, изданных «Рэнд корпорейшн», — сможет производить наблюдения за Землей с помощью инструментов, позволяющих различать предметы до десяти метров диаметром. Она будет в состоянии произвести атомную бомбардировку с решающим военным эффектом. Все это высчитано самым старательным образом с точностью инженерной планировки. Не принимается совершенно в расчет влияние, которое оказывало бы наличие такой лунной базы на политику, на психологию, на то, что произойдет с населением Земли, вынужденным жить под постоянной угрозой удара молнии».

Рис. из газеты «Фигаро»

Нет, до тех пор, пока усилиями всех сторонников мира Земля не будет превращена в «нейтральную зону», Андре Фроссару стоит внимательнее присматриваться к тому, какие проекты вынашиваются за океаном.

Что же касается самого заявления президента США, то рассмотрение его — дело соответствующих дипломатических кругов. Но наши читатели, возможно, помнят, что Организация Объединенных Наций приняла еще в 1963 году резолюцию, гласящую, что ее члены не должны выводить в космос ядерное оружие или другие средства массового уничтожения.

М. МАЙ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ И ЛЮДИ

Репортаж из Ташкента

Владимир АМЛИНСКИЙ

ДЕНЬ

Десятого мая в Ташкент возвратился заместитель Председателя Совета Министров, председатель правительственной комиссии по оказанию помощи городу И. Т. Новиков.

Правительственная комиссия, ЦК Компартии Узбекистана, Совет Министров приняли решение о дополнительных мерах по оказанию помощи населению.

Из Киева было отправлено десять эшелонов стройматериалов. Выехали монтажники, отделочники из Туркмении, Киргизии, Таджикистана.

Солдаты целый день вели на тупике Сергили разгрузку деталей сборных домов для города-спутника. В городе открыли дополнительные пункты питания и камеры хранения для вещей.

Колхоз «Кзыл Узбекистан» принял 120 детей из столичного интерната.

На адрес правительства продолжали приходить соболезнования пострадавшим во время землетрясения.

Таковы были контуры этого дня.

В ПИСЬМАХ, репортажах о ташкентских событиях попадаются подчас фразы: «В городе... нормальная жизнь... обычные заботы. Обычные дела».

Это верно, на мой взгляд, лишь до определенной степени. Конечно, землетрясение изменило и нарушило нормальный уклад городской жизни. Все то, что происходит сейчас в Ташкенте, конечно же, необычно. Но несмотря на непривычность обстоятельств, на потрясение, на множество бед и неудобств, люди действительно исполняют свои обычные каждодневные обязанности, свою работу с максимальным старанием, с сознанием человеческой своей ответственности за завтрашний день города, за судьбу своих детей, в достоинством людей, ставших в несчастье чуть более мудрыми и более печальными, чем в обычные дни, ставших более деятельными, внутренне мобилизованными и жизнеспособными, чем в повседневности... Жизнь продолжается.

В землетрясении нельзя быть одиноким. В землетрясении людей спасают не только врачи, пожарные, курсанты милицейской школы, раскапывающие завалы.

В землетрясении людей спасает объединенность.

УЧИТЕЛЬНИЦА ФАРИДА

Учительница Фарида рассказывала мне:

— Дом мой в ночь на девятое мая окончательно развалился... При этом гореть стал — гасили всей улицей. Потом подъехали пожарники, догасили совсем. А в восемь у меня урок. Сначала решила: не пойду. А потому чувствую: не могу, пропаду совсем, если здесь буду сидеть около дома, на этих головешках, и все вспоминать, как было... Решила — все-таки пойду в школу. А занимаемся мы во дворе, школа в аварийном состоянии. Иду и стараюсь о сегодняшнем не думать, стараюсь думать о хорошем, например о весне или о своих школьных делах, например об экзаменах.

И вдруг все это соединилось — и экзамены, и весна, и эти две ночи, двадцать шестого и сегодняшняя, вспомнила я прошлую весну, как мои семиклассники готовились тогда к экзаменам, а вечерами ходили в парк на танцульки и шептались на уроках, записочки посылали друг другу, а я на них злилась. И какие они были счастливые, беззаботные, несмотря на эти экзамены... Как они ходили смотреть какой-то арабский фильм, который детям до шестнадцати запрещен. Вот об этом я все время думала и не могла себя остановить. Просто разламывало меня всю. Иду и думаю: какая же я все-таки тряпка, какая я жалкая, нет у меня ни сил, ни достоинства переносить беду, у других хуже — держатся.

Походила около школы. Умыла на всякий случай лицо в питьевом фонтанчике, чтобы не видели, что ревела.

Вхожу во двор. Ребята сидят на портфелях, на земле. Сидят с красными от бессонницы глазами, напуганные, притихшие. Здороваюсь, кладу портфель на землю, сажусь.

Молчим. Чувствую, если начну проводить урок как на в чем не бывало, будет фальшиво, и ничего путного не получится. Знаете, как в том анекдоте: «Господин учитель, мне бы ваши заботы». Нет, урок сегодня не пойдет... Надо как-то иначе, а пропущенный урок мы наверстаем. И я говорю: «Урока и заданий на дом сегодня не будет».

Мальчик Рафик спрашивает, мрачновато улыбаясь:

— Ну, тогда я домой пошел.

Я-то знаю, что дома у него нет. Уже бульдозером снесли обломки, сразу же после двадцать шестого.

— Нет, — говорю, — расходиться не будем.

— А что будем делать? Молчать? — спрашивает Рафик.

— Почему? Будем разговаривать, посидим, отдохнем, поговорим... Куда нам торопиться. До ночи еще далеко.

Вижу: глаза у Рафика сузились, заблестели, нервно подымает руку, тоненьким голосом спрашивает:

— Скажите, а еще толчки будут?

Мысленно [illegible] говорю: «нет», потом останавливаюсь, знаю, что можно сказать «нет», что, может быть, правильно сказать «нет», но не могу... Потому что они не поверят, ведь они все видели своими глазами, и пережили все сами, и выскакивали ночью, а некоторые прыгали из окон и на руках тащили своих стариков. А утром они приходили в школу и брали задание на дом и занимались, решали задачки, а потом ходили по палаткам, разносили старикам еду, книжки приносили... И что-то я не видела, чтобы они плакали, хотя, наверное, плакали, только в одиночку, чтобы не видели родные. И я говорю:

— Если б я, Рафик, знала... Хоть я и ваш классный руководитель, но этого я точно не знаю. Мне кажется, у меня такое предчувствие, что в эту ночь толчков не будет...

Тогда мой Рафик говорит:

— А я как раз слышал: японцы предсказали, что в эту ночь будет толчок силой девять баллов. У них есть рыбки, которые при землетрясении меняют окраску.

Тогда я встаю со своего портфеля, лицо у меня краснеет, я сдерживаюсь и говорю:

— Про японцев я не слышала. Но я хорошо знаю, что во время войны были люди, которые говорили, что Москва уже сдана... Знаешь, как они назывались?..

Мальчик молчит. Он знает, как они назывались.

— И давайте так, ребята, — говорю я. — Давайте точно договоримся: не будем ходить по алайскому базару собирать слухи. Вы меня поняли? Давайте вести себя как люди.

— А как ведут себя люди? — спрашивает Рафик.

Действительно, как ведут себя люди?.. Как им объяснить? Хочется сказать что-то громкое, торжественное, но у моих ребятишек абсолютный слух, они, как локаторы, улавливают фальшь. Ведь дети всегда все чувствуют. Особенно дети Ташкента во время землетрясения. И я говорю:

— Люди ведут себя так, как вы вели себя с двадцать шестого апреля по сегодняшний день.

— Включительно? — говорит Рафик.

— Включительно, — отвечаю я.

(Окончание на 2-й стр.)

Окончание. Начало см. «Литературную газету» от 17 мая.

СОЗВЕЗДЬЕ СХУЛУХИЯ

Г. ДОЛМАТОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

КОЛХОЗ имени Героя Советского Союза Григория Схулухия. Бригада Кетеван Схулухия. Герой Социалистического Труда чаевод Винари Схулухия.

Эта фамилия трижды повторяется в моем блокноте. Еду по дорогам Грузии в Зугдидский район. Автобус пробирает полотно дождя. Дождь какой-то бесконечный, и дорога кажется бесконечной. Спутники мои рядом:

— Хороши дожди, теперь чай пойдет.

Чай — самое главное слово в этих краях. И колхоз, записанный в блокноте, чаеводческий. И девушка, к которой еду, чаевод, и мать ее, и отец был... Впрочем, лучше по старшинству.

ОТЕЦ. Солдат стоит на высоком постаменте у здания правления колхоза. Ему, каменному, тридцать три года. В двадцать пять он стал председателем колхоза в родном селе Рухи. В июле сорок первого ушел на фронт. Немцы нашли разведчика тяжелораненым, без сознания, в крымской степи. Переломали ему руки и вырезали на спине пятиконечную звезду. Зажигали сожгли на костре. Ночью того же дня селяне взяли наши. Рядом с еще тлеющим костром лежал окровавленный партбилет № 2846040 на имя Григория Петровича Схулухия.

«Схулухия был похож на сгоревшее в бою знамя, от которого не тронул огонь лишь эмблему стяга — звезду из негорящей стали».

Эти строки читаю в «Красной звезде» от 7 мая 1942 года. Очерк бригадного комиссара П. Павленко.

Надо, очень надо чаще перелистывать суровые страницы военных газет. Отступает неглавное, суетное, будничное. Они дают силу, любовь, гнев, ненависть, страницы старых газет...

...На постаменте золотом — Звезда Героя. У подножья цветы. Каждый день они свежие. Кто-то из односельчан приносит цветы своему председателю, тому, чьим именем назвали они теперь колхоз.

МАТЬ. Сейчас она уже старше Григория, ей пятьдесят два. Очень загоревшая на весеннем солнце, очень седая. Ее дочери шел третий день, когда сожгли отца. Кетеван не знала, ждала: вернется с войны муж, войдет в дом, увидит маленького человека, засмеется и спросит: «Винари?» — «Кто это?». Через месяц пришло извещение — «Смертью храбрых». «Винари» назвала мать девочку. Не удивляйтесь, люди, странному этому имени. Кетеван вложила в него счастье ожидания, тоску по несбывшемуся, боль потери. Винари — имя, понятное двоим — ей и Григорию.

— Жена героя должна быть первой, — жестко сказала свекровь, старая Манужа, узнав о гибели сына.

С того февраля 1942 года женщина, мать двоих маленьких детей, ни на день не покидала плантации. Раньше была агрономом, последние десять лет — бригадиром чаеводов. Вот уже больше двадцати лет Кетеван в партии, член пленума Зугдидского райкома.

Она строга к себе, строга к детям. И когда после окончания школы Винари, поступив заочно в Тбилисский сельхозинститут, попросилась в бригаду к матери, Кетеван сказала коротко: «Хорошо». Мать знала, что теперь девочка будет подниматься с ней на рассвете, а возвращаться домой с темнотой. И бригадир не сможет сказать дочери: «поспи подольше сегодня», или «жарко очень, пойди в тень, отдохни».

И так на уборке с мая до октября.

ДОЧЬ. Ее портреты уже пять лет не сходят со страниц газет. Ее портрет в Зугдидском музее. В одном зале — единственная сохранившаяся фотография отца в солдатской гимнастерке, а на другой стене — девятнадцатилетняя Винари, передовой чаевод села Рухи. В тот год, первый год своей работы, она собрала 6 тонн 840 килограммов чайного листа на отведенной ей половине гектара. Чтобы пояснить ничего не говорящую непосвященным цифру, замечу, что и сейчас средний и отнюдь не плохой результат — пять с половиной тонн.

Газетная ретушь делает Винари взрослее и значительнее. Настоящая Винари оказалась немного неловкой, застенчивой, совсем маленькой, совсем тоненькой девушкой, какой-то очень городской.

...Остаюсь в домике на краю села. До уборки чая дня три, все готово, а пока здесь полный покой.

Но мне все никак не удается разговориться с Винари.

Субботний свободный день плотно забит заботами. Винари учится водить машину. Делает заметки к собранию. Она — секретарь комсомольской организации колхоза. Задержалась в сельсовете — она депутат. Приготовилась к последним в году урокам — преподает старшеклассникам агротехнику возделывания чая. Наконец — бежим смотреть футбол, «Нигури» с «Колмидой» играют.

— Винари, здравствуй, день тебе хороший, — окликают с балконов.

— Винари, здравствуй, — поднимается со скамейки у дома старик, — гость к тебе приехал?

Знакомимся.

— Ты напиши, напиши про нашу звездочку, — строго говорит мне старик. — Ты не думай, мы бы ее все равно любили. Дочка нашего председателя, героя. А теперь уважаем сильно. Восемь тонн триста килограммов собрать, — такого в колхозе и не видывали никогда.

Шофер автобуса издали машет Винари.

— Линию Зугдиди — Рухи проложила она, — поясняет он.

— Нет, — смеется Винари, — наши комсомольцы добились.

— Ты-то уже член партии?

— Хо! — вмешивается шофер. — Делегат XXIII съезда Коммунистической партии Грузии, — произносит он торжественно..

В СТОЛОВОЙ еще горит свет. Кетеван не легла. Из темной спальни мне виден написанный по той единственной фотографии портрет отца. Круглые карие глаза, как у Винари. Художник нарисовал на солдатской гимнастерке орден Ленина и Золотую Звезду.

— Ты не спишь, Винари?

Она приподнимается на локте.

— Надоели тебе корреспонденты? — спрашиваю я и тут же пугаюсь банальности вопроса и заранее определенному ответу.

— Знаешь, не надоели. Обо мне напишешь — значит, о нем тоже. А я хочу, чтобы всегда помнили о нем. Не только здесь, в Рухи. Чтобы такие, как мы, выросшие после войны, и те, что не видели войны, знали о них, не вернувшихся.

— Ты счастливая, Винари. Сколько уже успела!

— Люди здесь очень хорошие, — почему-то говорит она. — Любят нас с мамой, помогают. Но не могу просто принять эту любовь, не хочу жить отраженным светом...

Тихо в доме. Слышен только ровный шум Нигури, вбирающей силу весенних снегов Сванетии.

— Я привыкла, без этого шума и не усну. Ингури к осени тихая становится, так будто не хватает чего-то..

Рано утром чайные кусты поблескивают от росы.

Это поле боя Винари. Пальцы маленьких рук пробегают по кусту, как по клавишам. Килограмм чая — это три тысячи движений. В корзине у пояса уместится семь килограммов, а за день она наберет пятнадцать таких корзин.

— В этом году должна собрать девять тонн.

Сбор чая требует почти математической точности движений. Три листочка развернуты, а четвертый только проклюнулся — почка. Три листа и почка называются флеши. Их и обрывает чаевод. Через два дня куст снова покрыт нежно-зеленой порослью «готового» чая. Пропусти день, и листки грубеют — чай перешел во второй, а то и в третий сорт. Сорвешь на листок больше — брак.

— У нее 99,5 процента первого сорта, — говорит мне председатель колхоза Шота Лобуа. — Бывает — жарища, сил нет, или дождь зарядит, другие не выдерживают — и домой, а одна точечка в любую погоду видна на плантации — Винари. Упорная.

Я УЛЕТАЛА из Грузии в канун Дня Победы. И на аэродроме встретила соотечественника Григория Схулухия — очаевского рабочего-строителя Мелитона Кантария.

— Где была, корреспондент? — спросил человек, поднявший знамя Победы над рейхстагом.

— В Рухи? У Схулухия? Пиши! — приказал Кантария. — Девочка не зря носит имя героя.

И я пишу рядом с той записью в блокноте эти заметки. Наверное, блокнота не хватит, потому что сегодня снова увижу Винари, здесь, в Москве, на XV съезде комсомола.

с. РУХИ — ЗУГДИДИ — МОСКВА

ОБСУЖДАЕТСЯ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ»

Широкий круг проблем и широкий круг авторов — вот характерная черта состоявшегося недавно общественного совета Союза писателей по грузинской литературе. Заседание его было посвящено обсуждению республиканского журнала, выходящего на русском языке, — «Литературной Грузии».

После обстоятельного «доклада-отчета», сделанного редактором журнала М. Мревлишвили, развернулись оживленные прения. Ораторы коснулись самых разных аспектов творческой работы журнала, от проблем художественного перевода и отбора текстов до вопросов оформления. Как не раз подчеркивали участники прений, «Литературная Грузия» за последнее время порадовала читателей интересными, значительными произведениями во всех жанрах. Но был высказан и целый ряд пожеланий. Так, В. Шкловский посоветовал посвятить номер журнала русско-грузинским культурным связям, оставившим свой след в Москве. Интересными мыслями поделились И. Гринберг (он же председатель заседания), С. Линдрес, Г. Гулиа, Е. Николаевская, Г. Мдивани, С. Ломинадзе, А. Турнов, С. Евгенов, С. Куняев, В. Перцов, Э. Ананишвили, Е. Гогоберидзе, Б. Черный, А. Антоновская, А. Гладилин, М. Калиндзе, Э. Франгулова, Ю. Васильев, Н. Томашевский, В. Жгенти.

НАШ СОВРЕМЕННИК

«Поваренок» Фото В. Богданова (Пермь)

СПОР ИДЕТ

НУЖНА ЛИ ВРАЧУ КИБЕРНЕТИКА?

Публикуя сегодня статью известного советского хирурга Н. Амосова, мы начинаем разговор о некоторых насущных проблемах медицинской науки и здравоохранения. Приглашаем наших читателей высказать свое мнение о том:

● Как поднять техническую оснащенность нашей медицины, наших лечебных учреждений!

● Как готовить сегодня врача! Как улучшить условия его работы в городе и деревне!

● Как повысить эффективность научных исследований, каковы пути быстрейшей их реализации в медицинской практике!

Н. АМОСОВ,
лауреат Ленинской премии

МЕДИЦИНУ можно трактовать как управление больным организмом с целью восстановления нормы. Получается вполне кибернетическая задача — «наука об управлении и связи...» Сейчас это немножко не вяжется — управление машинами и лечение больного. В технике — точность, расчет. А врачи действуют очень приблизительно. И тем не менее большинство больных выздоравливает. Может быть, и не нужно точнее? Просто продолжать прежнюю линию: химикам и фармакологам искать новые лекарства, хирургам придумывать лучшие операции. Физиологи пусть выясняют, как один фактор действует на другой. Зачем кибернетика?

Конечно, можно и так. Прогресс есть, люди стали дольше жить. Неэффективность нашего сугубо неточного лечения исправляется организмом за счет больших возможностей саморегуляции; достаточно, чтобы общее направление лечебного воздействия было правильным, а остальное организм выправит сам.

Но только до определенных пределов. Если регулирующие системы значительно пострадали от болезни, то вылечить можно только точным воздействием и всегда многообразным. Вот тут врач пасует: он не имеет аппарата точности ни в оценке состояния органов и систем, ни в воздействии на них.

Для этого нужна кибернетика. Нельзя рассчитывать, что в будущем для каждой болезни придумают одно свое лекарство. Медицина будет не упрощаться, а усложняться — химия дает все больше препаратов, избирательно действующих на определенные функции определенных органов, и комбинации из них станут очень сложными.

Мозг человеческий устроен весьма совершенно — для понимания смысла, для гипотез, для творчества. Но его способности к запоминанию вариантов и безошибочной выборке нужного ограничены и замедлены. Человек не может представить действующую систему во всех одновременно движущихся ее деталях — только по частям. Именно поэтому вводится автоматика в управление сложными техническими системами. А организм — сложнее всех. Исправление его серьезных поломок требует быстрой переработки очень большого количества информации.

Эта проблема — получения, хранения и переработки информации — становится для медицины весьма важной. Уже сейчас существуют сотни методов, предложенных для исследования всех органов и систем. Они дают огромное количество данных — в виде цифр, кривых или фотографий. А химики предлагают все новые реакции, инженеры создают новые электронные аппараты. Истории болезни распухают от анализов, врач не в состоянии охватить всего, чтобы сделать заключение. Пациенты устают от исследований.

Больной выписывается, история сдается в архив — там тонет. В памяти врача остается лишь слабый след, впечатление. Опыт пропадает, потому что нельзя запомнить многих больных во всем их разнообразии. Остаются только очень простенькие схемы, бледное, субъективное и очень неточное отражение опыта, которое записывается в учебники и научные работы, используется для обучения врачей. Как может быть иначе, если сложному больному, оперированному по поводу врожденного порока сердца, делаются до двухсот биохимических анализов, по 20 рентгеновских исследований, если ему назначается до 20 разных лекарств и процедур?

СОВРЕМЕННАЯ медицинская документация требует от врача много времени и мало дает взамен. Табличный метод статистического анализа историй болезни позволяет извлечь лишь незначительную часть заложенной в них информации. Остальное пропадает, и наши знания остаются по-прежнему весьма приблизительными.

Назрела необходимость в коренной перестройке системы документации, с тем чтобы сделать ее доступной для обработки и использования.

Это позволит решить две задачи: 1) повысить точность и достоверность всех сведений о болезнях, 2) создать «электронный консилиум», который поможет врачу лечить конкретного сложного больного.

При этом, наверное, окажется, что число необходимых исследований не увеличится, а уменьшится, так как будет точно определена информативная ценность признаков для диагноза.

Все это достигается простым способом. Суть дела заключается в следующем. Вся медицинская документация переводится на специальные бланки, в которых сведения строго классифицированы, а заполнение их сводится к подчеркиванию граф и занесению цифр. Писаный текст сокращен до минимума. После этого сведения переносятся на перфоленты. Из них постепенно создается архив — так называемая информационно-поисковая система (ИПС). Информация становится доступной для переработки на вычислительной машине по заданным программам.

Работа по созданию таких систем в Советском Союзе начата несколько лет назад в Институте имени Вишневского в Москве. В нашем Институте кибернетики в Киеве создано несколько типов информационных систем, предназначенных для разных целей. Наиболее простые из них — ИПС по методам исследования. Типичным примером является система, описывающая фонокардиографию — запись звуков и шумов сердца. Подобного рода «первичные ИПС» сейчас создаются для всех методов исследования — биохимических и клинических анализов, рентгена и пр.

Более сложные ИПС составляются из «полных» или «обобщенных» историй болезни, в которых отражены все основные сведения о больном. Машинный анализ архива из таких историй болезни позволит вывести многочисленные варианты «моделей болезни», которые можно использовать как для совершенствования медицинской науки, так и для уточнения диагноза конкретного больного, выбора оптимального лечения и определения прогноза.

Возможны и другие информационные системы, например, из обычных статистических карточек, заполняемых во всех больницах. Они позволили бы значительно улучшить управление органами здравоохранения.

Несомненно, что использование новых форм хранения и переработки информации поведет к повышению точности медицины.

Чтобы решать такие задачи, нужны техника, организация и средства. Без них можно только кустарничать. Пока делаются первые шаги. Президиум Украинской Академии наук полтора года назад принял постановление о создании в составе Института кибернетики медицинского информационного центра. Предполагается, что к центру будут постепенно «подключены» все больницы Киева, а потом и периферийные. Они будут присылать статистические карточки на всех больных, а центр будет обрабатывать эти данные, оказывать больницам консультативную помощь. Мы предполагаем, что таким образом можно значительно повысить ответственность лечебных учреждений и поднять общий уровень медицинского обслуживания.

Но это еще не все. Необходима действующая модель, которая могла бы отразить физиологию больного организма, позволила бы быстро просчитать динамику изменения важнейших функций, чтобы предвидеть и предотвратить опасность, а может быть, и на время заместить нарушенную функцию искусственным аппаратом. Теперь такие аппараты существуют — искусственное дыхание, кровообращение, почка, камера высокого давления.

Конечно, какое-то подобие модели больного организма есть в голове у врача. Он знает, как работают разные органы в норме и при патологии, представляет, как изменение одного органа влияет на другие и как те в свою очередь обратно воздействуют на первый. Но все это только «в общих чертах», по кусочкам. Из-за технических трудностей обычно мы регистрируем лишь несколько изменяющихся параметров испытуемого органа и поэтому часто получаем противоречивую информацию...

А между тем теперь есть возможности иметь такую «действующую» модель. Конечно, не полную. На нее даже нельзя надеяться. В организме сотни миллиардов клеток, и в каждой — сотни миллиардов разных молекул. Воспроизвести такую сложность невозможно. Но сделать очень сложную модель реально.

Такая задача и стоит перед медиками. Обычно ортодоксальные биологи говорят, что «человек — не машина», что он очень сложен. Все верно. Но после этого они рисуют простенькие схемки, в которых пытаются связать два-три органа, и по этим примитивным моделькам не боятся делать далеко идущие выводы о механизмах развития чуть ли не всех болезней. В результате получаются всеобъемлющие «теории медицины», которые на самом деле ничего не объясняют.

НЕЛЬЗЯ повысить точность медицины без использования методов кибернетики. Это неизбежный этап, как и почти во всех науках. Но это непросто. Кибернетика — очень дорогая вещь. Нужно вложить много средств и сил, прежде чем получить эффект. Потребуются значительные организационные изменения как в клиниках, так и в лабораториях. Использование статистического метода и информационно-поисковых систем немыслимо без медицинского информационного центра с вычислительной машиной, штатом математиков, инженеров и врачей.

К сожалению, органы, ответственные за планирование медицинской науки, не уделяют кибернетике должного внимания. И не выделяют необходимых средств. Так, например, Академия наук УССР, создав Медицинский информационный центр, не смогла обеспечить его достаточными силами, а Министерство здравоохранения УССР полностью отстранилось от участия в этом деле. Насколько мне известно, Академия медицинских наук и Министерство здравоохранения СССР тоже недостаточно стимулируют развитие исследований в этом направлении. А между тем за рубежом работы по внедрению вычислительной техники в медицину ведутся весьма активно.

Кроме недостатка средств, существует еще одна трудность. Статистика требует единообразия информации, которой до сих пор нет. Каждая клиника имеет свою классификацию признаков заболеваний, осложнений и т. д. Необходимо создать единую систему понятий. Разумеется, это не предполагает обязательного введения некоей жесткой системы, связывающей инициативу врачей. Но основная система сбора, кодирования и обработки информации должна быть едина. Договориться будет непросто. Однако без этого нельзя, поскольку следующим шагом явится унификация медицинской техники и разработка ее новых образцов, без чего невозможно поднять медицину на современный уровень и облегчить труд врача по исследованию больных и оформлению документации.

Я думаю, что дальнейший прогресс медицины невозможен без перестройки взглядов врача и физиолога. Нужно привить им новую систему мышления — «количественными категориями», дополнив ею прежние «качественные понятия». Этому следует учить молодежь в институтах, и нужно доучивать уже сложившихся специалистов. Некоторый минимум знаний математики и техники необходим для каждого ученого-медика. Тем более, что мы вправе ожидать в ближайшее время значительного повышения технической вооруженности медицинских учреждений. В связи с этим понадобится специальная инженерная служба больниц. Конечно, все это доступно только крупным специализированным учреждениям. Я убежден, что времена мелких больниц миновали — они должны остаться только для лечения легких болезней.

Использование структурного моделирования потребует коренной перестройки физиологической науки. Чтобы снимать характеристики органов и систем, нужна вся мощь современной электроники с многоканальными преобразователями и вычислительными машинами. Это оборудование оправдает себя только при большой работе и широком фронте исследований. Пора провести перестройку институтов — закрыть мелкие лаборатории, не дающие ничего ни для практики, ни для теории, и вместо них создать другие, мощные, способные использовать современные технические средства.

Врач должен прийти к больному во всеоружии новейших представлений и современных технических средств. Это дело не одного дня. Трудно, разумеется, пока рассчитывать, что материальные затраты быстро окупятся в виде привычной для финансистов экономии на зарплате. До этого, наверное, далеко. Но прогресс медицины без новых методов немыслим.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ И ЛЮДИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ДЕНЬ кончился, и наступил вечер.

Никто не хотел ночевать в одиночку. Кровати стояли не только во дворах, но и на улицах. Помню, что одна из центральных улиц, улица Шевченко, вся была уставлена кроватями. Мирные кровати, стоящие на улице, были как баррикады против странного и неожиданного врага. Некоторые вытащили на улицу самые ценные свои вещи — телевизоры, холодильники, полки с книгами. В райвоенкоматах солдаты сидели в касках — на случай специальных аварийных работ. Курсанты милицейской школы заступали в ночной наряд. Как и в каждую ночь, в эту, следующую после второго удара, все были готовы к беде и сражению.

АРХИТЕКТОР ЗОТОВ

Вечером я поехал на окраину, в район рабочего городка. Там, на Архитектурной улице, на старом Торб-Кургане, жил архитектор Александр Николаевич Зотов.

Все эти дни я с тревогой думал о нем.

Дело в том, что один из лучших архитекторов Ташкента Александр Николаевич Зотов — слепой человек.

До войны он учился здесь, в Ташкенте, на архитектурном факультете Политехнического института. Он с юности любил азиатские города, их удивительную, умную архитектуру, любил не только всемирно известные памятники, но и старые медресе с квадратом двора, с фасадом, попеременно освещаемым солнцем, с их прохладой в самый жаркий полуденный час, любил интимный, замкнутый характер азиатских строений, загородных домов — «курганчи».

Он проектировал немало районных городов в Средней Азии, а сейчас работал над застройкой Ангрена.

В сорок первом году он ушел на фронт и воевал далеко от Ташкента, под Москвой, в 312-й стрелковой дивизии. В ноябре сорок первого года под Подольском, в деревне Колонтаево, был тяжело ранен. Он лишился глаз, была изуродована рука — думали, не выживет, не встанет никогда. Встал и выжил.

Но это особый рассказ... И о том, как приехал он вновь в Среднюю Азию и как вернулся к своей архитектуре, ради которой жил, вернулся, потому что обладал феноменальной, поразительной памятью, своего рода внутренним глазом, умением мгновенно схватить рисунок, не видя его... Когда он приезжал в Москву в командировки, он так точно внутренне фотографировал и запоминал план улиц, что товарищи спрашивали его, как пройти туда-то и туда-то... И, кроме всего, а вернее — прежде всего обладал архитектор Зотов спокойным мужеством, сдержанностью, способностью загнать страдание и тоску в самый глухой и отдаленный уголок души.

Так держался он всегда и в первые дни землетрясения. И всегда люди тянулись к нему — не как к слабому и ущербному, а как к рассудительному, сильному и очень спокойному человеку, который сильнее и спокойнее многих из нас...

Я очень беспокоился, как переживал Зотов второй толчок, не случилось ли чего.

Зотов с женой жил в уютном, очень «архитектурном», продуманном домике, устроенном так стараниями жены... В этом домике была веранда, узкая лестница на мансарду, двор был скупо и изящно обсажен розами, кустами, агавами. И все это воспринималось не как просто хорошее жилье, а как своего рода маленькое произведение архитектурного искусства...

Когда я вошел, то сразу увидел Зотова и его жену, сидевших во дворе за столиком. Зотов выглядел, как обычно, только несколько похудел и побледнел. Я посмотрел на домик: он был в аварийном состоянии, на мансарду нельзя было уже подняться, стена оседала, стекла выпали.

Двор был освещен свечой в подсвечнике, которая отбрасывала длинные тени и горела очень ярко.

Я поздоровался с Зотовым, спросил, как он себя чувствует, потом мы сели за стол... В прошлый раз мы много говорили об архитектуре, о новых городах, сожалели о их однотипности, говорили о том, как сделать, чтобы они отличались друг от друга «лица необщим выраженьем», говорили мы о городе Навои, об архитекторе Гинзбурге, о преимуществах и неудобствах галерейных домов... Сейчас было несколько другое состояние. И прежний разговор как-то не шел. Минут через десять — пятнадцать раздался стук в калитку. Жена Зотова пошла открывать. Вошли пожилой человек, женщина, ребенок.

Это были соседи Зотова — Косогоровы. Они пришли и Зотову ночевать.

Косогоров — тоже инвалид войны. Он воевал на Белорусском фронте и был ранен в порту Пиллау. Теперь он маляр. Жена его — медсестра, и у них есть сын Сашка. Когда дом Зотова пострадал, первым, чтобы помочь, пришел к нему Косогоров. А у самого Косогорова жилье было в еще более аварийном состоянии.

После ночи 26-го они все время ночевали вместе — два фронтовика, две женщины и мальчик Сашка.

Тихо наигрывала «Спидола», передавали вальс «Амурские волны», кто-то говорил на улице, за стеной, должно быть, маленькому ребенку:

— Ну сейчас мы будем спать... Спать.

Зотов усмехнулся и сказал:

— Ну что ж, и мы сейчас будем спать, самое главное сейчас выспаться.

— Это действительно самое главное? — спросил я.

— Это, во всяком случае, важно. А что самое главное, — я не знаю. — Он задумался, потер лоб и проговорил: — Думаю, что спокойствие. И вера. И умение терпеть.

Он помолчал и добавил:

— Что же касается архитектуры новых городов, то о ней мы поговорим завтра днем. Дома лучше видятся днем, ночью они теряют очертания. И, по сути дела, теперь нам с вами в первую очередь надо говорить о Ташкенте.

Он улыбнулся, помахал мне на прощание рукой... Калитку закрыли, но не заперли, чтобы выскочить вовремя и чтобы быть вместе с другими людьми улицы.

Я вышел на трамвайную линию и по ней пошел к центру.

Миллион мужчин, женщин, детей лежал на кроватях, раскладушках, в палатках и под небом и готовился ко сну, а если придется, — и к борьбе. Было слышно, как они дышат, кашляют, переговариваются, ждут, вздыхают.

Небо было азиатское, черное, с большими неправдоподобными белыми звездами.

Ночь, от которой многие ждали грозы, прошла спокойно.

Один ощутимый толчок был на рассвете. Новых разрушений он не принес.

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ...

Лев ОШАНИН

В АПРЕЛЬСКОМ номере журнала «Знание — сила» рассказывается об архитектуре будущего. Многое здесь, вероятно, увлечет читателя. Любопытен проект огромного дома-города высотой в полтора километра, предложенный М. Дрязговым. Интересны и резонны возражения автору этого предложения архитекторов М. Г. Бархина, В. М. Гинзбурга, К. Н. Чернопятова. Занимателен фантастический фотомонтаж о земле будущего.

Мне, однако, занимательнее всего показалась фотография, снабженная следующей подписью: «Что это — селе или город? Колхозное село, — но, как видите, со многими чертами города...»

Слов нет, у нас сейчас уже появились села, которые красотой построек и удобствами могут поспорить с городом, и их с каждым годом будет все больше.

Но, да простят меня товарищи из журнала «Знание — сила», в данном случае я вынужден их огорчить. На фотографии всего-навсего... Кольский филиал Академии наук в Хибинской тундре со зданиям президиума, первыми помещениями научных институтов и лабораторий и жилыми домами. Тот самый филиал, о котором я 28 марта этого года писал на страницах «Литературной газеты» нам о душе и центре большого полярного края.

Снимок, который вы видите, относится к 1959 году. Пользуюсь случаем, чтобы сообщить читателям, что сейчас пейзаж несколько изменился. Уже поднялись стены института химии и технологии редких элементов и минерального сырья и Полярного геофизического института.

Не менее меня удивленный публикацией журнала, председатель президиума филиала Е. И. Козлов просил меня передать читателям, что в эту пятилетку на территории научного городка будут построены горнометаллургический институт, корпус опытных работ и модельных установок, лабораторный корпус ботанического сада, пять восьмидесятиквартирных жилых домов и два детских сада на 140 мест каждый.

Вот та несколько слов, которые мне хотелось сказать о «деревне», изображенной на фотографии. Вот уж действительно, если на клетке со слоном написано «буйвол», — не ахать глазам своим.

НА МЕЛКОВОДЬЕ

Вс. ВОЕВОДИН

К СОЖАЛЕНИЮ, в газетной статье нет возможности поговорить о всех участниках альманаха «Молодой Ленинград» 1965 года: в оглавлении названо тридцать девять имен прозаиков и поэтов. Разговор пойдет лишь о нескольких произведениях, кстати сказать, профессионально наиболее зрелых. Они-то и определяют лицо сборника, а взятые вместе позволяют судить о некоторых общих тенденциях в творчестве молодых писателей-ленинградцев.

Вот рассказ Р. Грачева «Дом стоит на окраине». Странный это дом. Странные населяют его люди. Характеризуются они с лаконизмом драматургических ремарок: «Еще здесь живет грустная женщина тетя Нина. Она бухгалтер. Ее окно выходит на железную дорогу, и у нее есть телевизор». Или молодая пара: «Он — высокий, спортивный, черноволосый, она — белокурая, в меру полная, будто нарочно созданная для идеальной семьи». Затем следует характеристика инвентаря: у «идеальной семьи» имеется двуспальный матрас, старый зеркальный шкаф, стол, два стула и старинная посуда.

Все жильцы этого дома обособлены друг от друга. До революции здесь жили «седоусые ветераны», которым ничего другого не оставалось в жизни, как «чистить мелом георгиевские кресты», «вспоминать битвы и боевых командиров». Минуло полвека (и каких!), другие люди населяют дом. А что изменилось? Да, по существу, ничего. Живут так же на отшибе, чуждые всему, чуждые друг другу. Возможно, кто-то где-то так и живет. Но в рассказе нет ответа, почему же так живут избранные автором герои.

Вот рассказ Бориса Вахтина. Едут я поезде четверо: автор, офицер-морячок, некий «он», некая «она». Девушка влюблена в своего спутника, а тот — он много старше ее годами — «стопроцентный жлоб и неубедительная личность», как напрямки режет правду-матку морячок. Напрасны, однако, его попытки предостеречь, вразумить девчонку, открыть ей глаза на возлюбленного. «Лучше полезайте на свою полку спать... — отвечает девушка, — а мне не мешайте, поскольку я вас не люблю, а его люблю, и я увезла его от жены и от детей, чтобы он немного пожил, а не чтобы он слушал пьяные морали». Автор сочувственно слушает, как девушка отчитывает моряка, и ему кажется, что она отстраняет «нас в дальние страны, за горизонты мелькавшие мимо поезда, за деревушки, леса и заводские трубы, туда, где ничего не меняется по сути, вот уже сколько лет я всматриваюсь».

Так и назван рассказ — «Ее личное дело». Что ж, личное так личное. Откажемся от дружеского вмешательства, оно оскорбительно и бесполезно, не будем делать попытки вовремя прийти на помощь заблуждающимся. Оставим это, тем паче, что в нашем мире, по мнению рассказчика, «ничего не меняется по сути», сколько бы философы и социологи ни старались доказать обратное.

Второй рассказ Б. Вахтина назван затейливо — «Ножницы в море». При чем здесь ножницы? А вот при чем: «...мне мой ум даже в его лучших проявлениях всегда казался примитивным инструментом вроде ножниц...» А почему «в море»? Да потому, что отец с сыном катаются в лодке по морю, и тут некстати срабатывают папины «ножницы» — его примитивный, грубоватый разум. Сын, шестилетний карапуз, задумался, и папа, добрый, заботливый, «готовый к любым подвигам», имеет неосторожность спросить: «О чем ты задумался?» А сын отвечает: «Пожалуйста... никогда не спрашивай меня, о чем я думаю». И папа согласен, говорит: «хорошо».

Итак, личность неприкасаема, даже личность ребенка, и боже упаси вмешиваться в ее внутреннюю жизнь. По Бахтину выходит, что родитель вовсе не обязан воспитывать своих чад. Вот чем оборачивается у молодого автора «эстафета поколений».

Манера, в которой написаны оба рассказа, явно заимствованная. Это так называемая «интеллектуальная проза». Усложненный подтекст, психологические «проникновения», подаваемые как бы в нераскрытых скобках — через метафоры, в словах-иероглифах (ножницы в море), — вот та беговая дорожка, на которой Бахтин пытается обогнать своих лидеров (в частности, Сэлинджера), и, как всякий эпигон, доводит до абсурда творческий метод «предшественников».

В ТОЙ же манере написана повесть Игоря Ефимова «Несколько огорчений из жизни заводского инженера». Каждое, даже самое смутное движение души молодого инженера Троеверова прослежено и описано с клинической кропотливостью. Ефимов как бы любуется игрой алогичных связей между ощущениями и мыслями героя, к тому же устанавливая и умножая их совершенно произвольно, как бог на душу положит. Ведь подсознание все стерпит, поди проверь!

Инженер Троеверов — не из числа одержимых своей профессией. Не заводские дела составляют главную суть его душевной деятельности, такой напряженной, такой беспокойной. В чем же суть? В женщинах. Троеверов — тип любвеобильный, как сказал бы психиатр, гиперсексуальный. Пропустим мечту о женщине, «специально приспособленной к мечте», с чего начинается повесть, минуем встречу героя после окончания рабочего дня с женой, о чем рассказано так: «Они легко прикоснулись друг к другу и секунду постояли, обнявшись. Ненадолго Троеверов ощутил под рукой грудь жены, и это, как всегда, с нечаянной и глубокой силой поразило его...» К жене у Троеверова, как тут же выясняется, нет «так называемой настоящей любви», так что дело не в любви, а в «прикосновении» как таковом.

Есть на заводе лаборантка Лера. Едва увидев ее, Троеверов «подумал о ней, как думал о каждой встречной женщине для себя, словно прикидывая: да или нет».

Троеверов вечером один в ресторане пьет вино и «подолгу» смотрит на женщин: «Он перебирал их одну за другой, легко уводил каждую куда-то прочь от людей, вел по улицам и потом раздевал в неизвестной комнате...».

Однажды Троеверов случайно оказался вместе с Лерой в одной машине. На две колонки текста вновь идет анализ его ощущений — на этот раз от прижатого к нему локтя девушки, от прикосновения к ее руке. «Ах, что тут началось, какое бесстыдное и бессловесное счастье в тесном пространстве над сумочкой!.. Блаженство неслыханное и даже недопустимое в таком простом органе, как рука... это было почти исступление, почти разврат, с колотящимся сердцем, с закрытыми глазами и без единого слова».

Да полно, здоров ли психически герой повести, или мы имеем дело с патологической личностью? Дважды появляется в повести рыба — живой сазан в тазу, — которую соседка по квартире на утро собирается зажарить. Троеверов ночью никак не может уснуть. То мерещится ему завод, то девушка, то сазан в тазу, и загвоздка оказывается в нем, в сазане. В кухне происходит убийство. Рыбина «со злобой» брошена на пол, мертва. И лишь тогда Троеверов «лег и сразу же как-то незаметно уснул».

Темна связь между смятенной душой инженера и рыбиной, умирающей в тазу. Зато отчетлива другая связь: молодой советский прозаик И. Ефимов — и та далекая нашему миропониманию литература, которая причины, движущие поступками человека, ищет в кромешной тьме его подсознания.

Примечательно: Лобышев, герой рассказа Андрея Битова «Пенелопа», по существу, двойник Троеверова. Только, пожалуй, Лобышев еще помельче. Троеверову автор хоть в инженерной смекалке не отказывает. Лобышев же предстает перед нами лишь в отвращении к своим профессиональным занятиям. Но душевная целенаправленность у героев одна — прекрасный пол.

Лобышев в кинотеатре знакомится с девушкой. У нее «молодое, ничего себе, лицо», но она убого одета и, как выясняется через несколько строк, голодна, не имеет работы и очень доступна.

А затем кинозал погружается во тьму, и на экране мелькают кадры итальянского фильма об Одиссее. «Смотришь, и чувствуешь себя Одиссеем. Таким же сильным, храбрым и красивым... Его любят бабы. Они любят тебя в образе Одиссея...» и т. д.

Однако «обыденно-эпическая действительность» берет свое. Кончается сеанс. Корковые центры, где властвуют такие выработанные **человеком** понятия, как сострадание, порядочность, долг, вроде бы смиряют наконец разгулявшуюся подкорку — обиталище темных инстинктивных сил. Бежать, бежать от этого знакомства, прочь соблазн! Но почему бежать-то? А потому, что чересчур уж жалка эта голодная, плохо одетая девчонка, — неловко даже стоять рядом с ней на глазах у всех.

Условившись о встрече и умышленно переврав свой адрес, Лобышев трусливо ныряет в ближайший подъезд.

Здесь, как и в повести Ефимова, скрупулезный анализ душевного состояния героя, щегольской, псевдоутонченный, с той же оглядкой на переводные образцы. Чего стоит один параллельный ряд: образы Эллады — современность. Ведь еще Джойс положил начало такой игре!

Есть в альманахе рассказ Владимира Марамзина под ошеломляющим названием «Я с пощечиной в руке». Тень Кафки нависла над этим рассказом. Действует в нем некий заводской труженик, который имел неосторожность перебежать из цеха на склад с незажженной папиросой в руке. А во дворе надпись: «Курить воспрещается». С папироски все и началось. Назавтра герой получает выговор. Коли так, его лишают ежемесячной премии, в конце квартала — другой, отказывают в переводе на новую работу, более интересную и лучше оплачиваемую. Обреченность. Рок.

И вот тогда в руке героя появляется пощечина. Она материальна, описана подробно, «горячая, как блин», она умеет пощелкивать в ладони, «видно, пробуя себя перед делом».

Но кому же предназначить ее, пощечину? Герой в раздумье. Члену пожарной комиссии, с которого все и началось? Но тогда «все остальное останется без нее, то есть без пощечины». Кто же в ответе за несправедливость? Да никто. Даже загадочные «они» отпадают. «Отдать пощечину было некому». Причина несправедливости безлична, а коли так — к этой мысли приводит простой логический ход, — она во всех и ни в ком, она в самой системе человеческих отношений. Отброшенная за ненадобностью, пощечина взлетает вверх, как птичка, и «с утроенной силой» бьет самого героя по лицу.

Я не собираюсь здесь спорить о том, можно ли, как говорят некоторые западные теоретики, писать жизнь не в формах самой жизни. Я просто утверждаю, что Владимир Марамзин в своем рассказе пишет не жизнь, а грубое ее искажение.

ЗАКАНЧИВАЯ разговор о прозе альманаха, я хочу обратить внимание читателя на ту **бесстрастность**, с которой молодые писатели изображают своих героев. Скажем, кто такая лаборантка Лера в повести Ефимова? Лишь объект вожделений заводского инженера. Больше ничего мы о ней не знаем. А девушка, с которой Лобышев идет в кино, — видимо, в чем-то униженная, чем-то оскорбленная, нищая, безработная (это в наше-то время!), — как дошла она до жизни такой? Битов сам нимало не сочувствует этому жалкому человеческому существу и не стремится вызвать наше сочувствие (или осуждение?), ему все равно, так же как нет дела до своей героини Ефимову. Битову важно лишь одно, чтобы глупенькая влюбленная девчонка побойчее резонировала на тему о суверенных правах любви. И в рассказе Витова, и в повести Ефимова, да и в некоторых других рассмотренных произведениях, на мой взгляд, отсутствует прежде всего **гуманность**. Да, да, гуманность, доброта, любовь к униженному или стоящему на грани унижения человеку, равно как и оборотная сторона ее — ненависть ко всему подлому, себялюбивому, хищному в человеке.

...Ленинград — город в устье Невы, величественное течение которой Пушкин назвал «державным». Однако, судя по альманаху, молодая литературная Нева, увы, мелководна. Глубины ее обманчивы.

Не так давно вышел в свет альманах «Молодой Ленинград — 1965» (издательство «Советский писатель», М.-Л.), в котором представлено творчество ленинградских прозаиков, поэтов, критиков. Некоторые повести и рассказы, опубликованные в сборнике, вызвали разноречивые суждения. В статьях писателя Вс. Воеводина и критика Т. Хмельницкой, как это легко заметит читатель, выражены резко противоположные точки зрения на произведения молодых ленинградских прозаиков. Вс. Воеводин предъявляет авторам весьма серьезные претензии. Т. Хмельницкая, отмечая ограниченность задач, которые ставят перед собой писатели, в то же время одобрительно относится к их творческим экспериментам.

Публикуя сегодня обе статьи, мы полагаем еще вернуться в скором времени к обсуждению прозы «Молодого Ленинграда», завершить спор, высказав свое отношение и к суждениям Вс. Воеводина и Т. Хмельницкой. На наш взгляд, произведения, опубликованные в альманахе, свидетельствуя об одаренности молодых прозаиков, в то же время дают серьезные основания для разговора о некоторых ошибочных тенденциях в их творчестве.

ЗАПАСНИКИ ДУШИ

Т. ХМЕЛЬНИЦКАЯ

АЛЬМАНАХ «Молодой Ленинград» выходит не первый год. Но мне кажется, впервые «Молодой Ленинград» — не просто прописка по месту жительства, не коммунальная квартира, собравшая под одной крышей случайных соседей, а еще и творческое единство. Участников сборника роднят дух и направление поисков. Я говорю, конечно, не обо всех, а прежде всего об авторах наиболее интересных произведений — о прозаиках А. Битове, И. Ефимове, Р. Грачеве, В. Марамзине, В. Иванове, Б. Вахтине, Майе Данини...

Что же объединяет их, разных по стилю, отбору материала, по темпераменту, таланту? Прежде всего отталкивание от накатанных путей, от готовых решений, от декларирования бесспорных мыслей в начале и прописных истин в конце произведения; отталкивание от одноцветных и демонстративных носителей добра и зла. Молодые писатели стремятся к анализу человеческой души, пристально, прислушиваются к разноголосице внутреннего мира своих героев, обращаются к сложности и многослойности человеческого характера, к углубленному психологизму.

Даже когда действие повестей и рассказов протекает на заводе, в исследовательских институтах и вузах, авторы не довольствуются привычной обстановкой цехов, аудиторий, зала заседаний и дают своим героям ключи от скрытых лабиринтов мысли. Недаром А. Битов говорит в рассказе «Пенелопа» о «запасниках мозга».

В какой-то мере такой психологизм связан с традицией Льва Толстого и Достоевского. Вместе с тем здесь сказывается и использование методов психологического исследования, присущих современной западной литературе. Внешний мир дан не сам по себе, а сложно преломленный в сознании и восприятии героя. На первый план выдвигается не сложившийся, завершенный характер, но лишь его зародыш, его потенция.

Названные мною авторы, как бы подчеркивают амплитуду колебаний противоречивых возможностей этого еще не осуществившего себя в жизни человека. Авторы не заняты исследованием ситуаций, в которых эти скрытые способности проявляются. Такое исследование ответственно, оно требует в равной мере и острого понимания сложности внутреннего мира, и раскрытия закономерностей мира объективного. Авторы делают пока только первый шаг...

ТЕКУЧЕСТЬ непроявленного характера героя — тема многих рассказов и повестей Битова. Поэтому так зыбки у него границы между миром реальным и миром воображения героя, между явью и сном. Воображение с поразительной достоверностью реализует все неслучившееся. «Рассказы о неслучившемся» — так можно было бы назвать многие вещи автора.

В этом смысле чрезвычайно любопытна новелла «Пенелопа». Это тоже «рассказ о неслучившемся». Что, собственно, происходит? Герой «Пенелопы» Лобышев заходит в кино, где идет фильм об Одиссее, сталкивается с девушкой, которая очень легко, напрямки, и в то же время доверчиво идет на знакомство; он польщен ее вниманием и вместе с тем стесняется ее вульгарности, а главное, ее жалкого вида: она нелепо и плохо одета. От неловкости он обещает устроить ее на работу... Когда в зале зажигается свет, он мучительно стыдится быть рядом с ней и трусливо сбегает.

В «Пенелопе» Битов сталкивает ложный стыд и настоящую совесть, казнящую человека за этот ложный стыд. Чувство непроходящей вины за то, что герой трусливо и воровато оскорбил и обманул другого человека и тут же брезгливо отмахнулся от него, — главный пафос рассказа. «Как это позорно стыдиться кого-то перед кем-то и гораздо сильнее, чем себя перед собой». Позор ложного стыда заставляет совершать неподсудные подлости. Опасение — «...а вдруг я это делаю каждый день! Больше, меньше, но каждый день...» — бьет уже не только героя, но и читателя. За эпизодом, казалось бы, незначительным встает острая нравственная проблема.

Обостренное внимание к языку, продуманный отбор выразительных средств свойствен многим ищущим авторам «Молодого Ленинграда», и Битову в особенности. Через весь рассказ настойчиво и порой даже навязчиво проходят непрямые вспомогательные слова, подчеркивающие неуверенность мыслей и ощущений героев, некоторую иллюзорность, неподлинность происходящего. На каждом шагу кстати — а подчас и некстати — автор вставляет слова-оговорки: «как бы», «вроде», «вскользь», «что ли», «кое-какой» и т. д. И только в самом конце рассказа, когда молния совести осветила и обуглила подвальный мир скрытых мыслей героя, все слова — ширмы, уловки и оговорки отпадают: «И как давно забытое ощущение было, что думал он не вскользь, не как бы, не вроде, не забывая, не в полусне». Режущим светом правды и осознанной вины освещен финал рассказа.

Столь же упоенно спускается в трюм ощущений своего героя И. Ефимов. Но в его повести бросается в глаза диспропорция между масштабом замысла и откровенным использованием классического образца. Быт, рабочая обстановка, профессиональные интересы героев повести «Несколько огорчений из жизни заводского инженера» вполне современны, а характер наблюдательности, скрупулезное извлечение психологических заноз из глубин сознания, даже отдельные штрихи — все это неприкрыто толстовское. И ясно, что критерий совести, вины и ответственности, незримо присутствующий в начале повествования, идет от Толстого. Все это нужно Ефимову, чтобы герой через внутреннюю мысль нашел в себе ответ — как жить и поступать и в мелко повседневном, и в главном. Первые эпизоды повести — это прежде всего трудные поиски поведения в семье, в любви, с товарищами по общему делу. Это подступы к чему-то решающему, заявка на проблемное и большое в жизни человека. А дальше, по мере развития повести, заявка эта не реализуется, и все внимание устремлено на непомерно разросшийся эпизод, в сущности, десятистепенных, периферийных и «неслучившихся» отношений Троеверова с лаборанткой Лерой. Затаенная эротика вороватых касаний в машине, предвкушение свидания, так и не состоявшегося, обида, что его, Троеверова, молчаливые притязания замечены и осмеяны всеми, привкус неловкости и стыда — бесконечно затянувшееся кружение все тех же чувств превращает повесть в пародию на толстовскую манеру. Эпизод проходной располагается, как флюс, и закрывает собой все остальное.

Поползновения Ефимова затронуть множество проблем нравственного поведения человека говорят о живой, беспокойной, готовой к трудным и рискованным решениям мысли автора. Но эти попытки останавливаются даже не на полдороге, а у старта. Дальше идет упоенная детализация подкожных ощущений. А все сложные и запутанные отношения героя с окружающим миром куда-то исчезают.

ДРУГИМИ путями, чем Битов и Ефимов, идет к углублению внутреннего мира Р. Грачев. Не микроскопический анализ душевных кладовых занимает автора. В его рассказах — ощущение перспективы, насыщенности каждой, даже беглой жизненной зарисовки. Вот рассказ «Дом стоит на окраине», — поперечный разрез судьбы и характера всех жильцов, населяющих этот дом. Любой жест героя, любой атрибут его повседневного бытия как бы концентрирует в себе всю его жизнь. Дворничиха, обитающая в полуподвале, без мужа, с двумя малыми детьми, — воплощение обиды. Она яростно сражается с беспорядком и жестоко блюдет чистоту, «двигаясь в суетливом ритме досады». Идеальная пара молодоженов даже ссорится идеально тихо. Живут они ровно и крепко, обрастая добротными вещами, приобрели «радиолу, похожую на парадный подъезд высотного дома», и выбросили в кошачий угол коридора старый шкаф. В этом разобщенном мире несхожих существований централен для автора одинокий старик, не понимающий современности и не понятый ею. Идеальной паре старик казался «чем-то вроде старого шкафа, выставленного за ненадобностью в коридор». Но нам важен этот старик не сам по себе. Старик тянется к маленькому сыну дворничихи, украдкой играет с ребенком. Тут возникает тема одиночества и детской жажды доверия, тепла, естественного родства людей, весьма характерная для многих рассказов Грачева. Тяготением старика к ребенку возрождается органическая цельность утраченного людьми родства. Короткие зарисовки, легкие беглые штрихи без нажима отличают этот рассказ, окутанный воздухом невысказанных обобщений и доброй человеческой грусти.

В. Иванов в рассказе «Если очень торопиться...» тоже стремится сквозь повседневность и быт прорваться к целостному осмыслению жизни. В привычный распорядок учителей школы врывается смерть — смерть бывшей учительницы, которую почти никто уже не помнит и не знает. Смерть человека заставляет других людей задуматься, пересмотреть жизнь во всем ее движении. Этот прорыв от мелочей повседневного к активной мысли делает скромный, композиционно рассыпающийся, во многом несовершенный рассказ Иванова одухотворенным и значительным.

Б. Вахтин в двух коротких вещах — «Ее личное дело» и «Ножницы в море» — обнаружил незаурядное мастерство новеллиста. Его фраза ритмична, колоритна и насыщенна. Но блестящий стиль Вахтина, отшлифованный до мельчайшего слова, паузы и интонации, несколько надуман, книжен. Огромный литературный багаж в сложных сочетаниях просвечивает сквозь изысканную конструкцию этих новелл. Неожиданный сплав Хемингуэя и Бабеля характерен для затейливых стилевых экспериментов Вахтина. Алхимия головокружительных соединений эффектна и увлекательна. Но эти опыты так заметно, так явно облюбованы автором, что подлинная многозначность вытеснена кокетливой многозначительностью, особенно в рассказе «Ножницы в море».

Один из лучших, на мой взгляд, рассказов — новелла В. Марамзина «Я с пощечиной в руке». Она строится на условном, почти фельетонном сюжете. Речь здесь идет уже не только об индивидуальной совести и личном поведении человека, но и о совести коллектива. Самый сюжет мастерски изобличает круговую поруку несправедливости, цепную реакцию равнодушия и инерции. Герой не закурил на заводе, а только собирался закурить. Монтер Белоглазов, член пожарной комиссии, в порыве яростной бдительности влепил ему незаслуженный выговор. А дальше все идет уже механически. Получившего выговор, естественно, лишают месячной премии. После этого лишают и квартальной, не переводят на обещанное место, более интересное и выгодное, и т. д. Герой ходит с символической «пощечиной в руке», ищет обидчика, чтобы смыть оскорбление, но виноватых нет. Все сваливают друг на друга. Наконец герой с досады бросает пощечину, и она обрушивается с утроенной силой на его собственное лицо...

Яркий рассказ опубликовала в альманахе Майя Данини. «Живые деньги» — это сочная жанровая зарисовка «базарной бабы», торговки и спекулянтки по призванию. Шумная, суетливая, льстивая, не брезгующая никакими уловками, цепкая и жалкая одновременно, Паша оживает в рассказе не только в действии, но больше всего в колоритно воспроизведенном характерном слове...

ХОЧУ повторить главное: лучшие рассказы «Молодого Ленинграда» 1965 года отличает пристальное и кропотливое внимание и «запасникам души». Повторяю: пока это еще только «литература состояний», первая стадия поисков углубления характера. Подлинная же диалектичность исследования жизни осуществится только после того, как молодые авторы перейдут от «литературы состояний» к литературе поступков и поведения, перейдут от рассмотрения иллюзорной и несколько расплывчатой внутренней жизни, отключенной от большого мира нашей жизни, к анализу активного взаимопроникновения мира сознания и мира действительности.

«Студент-заочник» Фото В. Базилевского (Полтава)

КИНО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ЧТО, на комедии надо смеяться или плакать? Праздный, казалось бы, вопрос. Однако после нового комедийного фильма, снятого Э. Рязановым, после взрывов хохота из зрительного зала выходишь, тихонько утирая слезы. И сострадая всем сердцем тем милым людям, с которыми только что познакомили тебя.

Ах, какие это действительно милые и добрые люди.

Сам Юрий Деточкин, страховой агент, скромный и глубоко порядочный.

Следователь Подберезовиков, такой волевой и подтянутый.

И мама Деточкина, которая в молодости пела песню «про паровоз»: «Наш паровоз, вперед летит...»

А уж кондукторша троллейбуса Люба, невеста Деточкина, та просто кротчайшее и преданнейшее существо.

И поступки, которые совершают герои, — это хорошие, добрые поступки.

Деточкин... угоняет автомобили частных владельцев и продает их.

Подберезовиков... охотится за Деточкиным.

Мама... выдает милиции сына.

Невеста ждет жениха... из тюрьмы.

Гм...

Что делать, все это абсолютно справедливо — и то, и другое. И нет в характерах и поступках героев никакого противоречия. Наоборот, каждый поступает в соответствии со своим характером, свято веря в формулу Горького, что сюжет есть история развития характера.

Действительно, Деточкин угоняет чужие машины. Но чьи это машины? Людей дурных, злых, корыстных, людей просто нечестных. Агент страхкассы — это своего рода Робин Гуд наших урбанистических лесов. В деятельности своей он видит самый доступный путь борьбы с воровством, взяточничеством, стяжательством. И вот он ночью забирается в чужой легковой автомобиль... поднимает гараж с помощью подъемного крана... взламывает хитроумные запоры «частников»... Высматривает... Ищет... Проверяет... И, нежно простившись с матерью и невестой, отбывает в неизвестном направлении.

Странные поступки для положительного героя? Но не забывайте, Деточкин, «экспроприируя» столь своеобразным способом частную собственность, вроде и вором не становится. Вырученные за продажу автомобилей деньги Деточкин, так сказать, инкогнито переводит на адреса разных детских домов.

Но ведь и главный враг Деточкина, тот, что, словно злая ищейка, преследует его, капитан милиции тоже борется со злом — его прямой и законный долг охранять имущество советских граждан. И мама от чистой материнской заботливости «выдает» сына. И Люба — любя...

Словом, целый комплект добрых и честных людей, вступающих в головокружительное столкновение в своем сражении за добро.

...И вот на экране мчатся по сложным переплетениям шоссейных дорог автомобили, и мотоциклист (как в самых что ни на есть настоящих детективах!) преследует виртуоза-гонщика Деточкина, и... с добрым юмором следят создатели фильма за своими героями, которых они ввергли в столь сложные и мучительные трагико-комедийные переживания. Этот-то юмор, это умение авторов посмотреть на мир, на окружающее с точки зрения их трогательных комедийных героев, то есть с величайшей доброжелательностью, с величайшей верой в справедливость, — и кажется мне главным в фильме «Берегись автомобиля». Добром фильме, прославляющем, воспитывающем добро.

Заданная непритязательность героев и сюжета (при всей его парадоксальности) породили и стилистику картины, и характер режиссерских приемов, и принципы актерской игры. Может быть (с моей точки зрения), не совсем точно решено начало, но не потому, что, таинственное и мрачное, оно построено неталанливо. Просто оно в другой стилевой плоскости, в другом настрое. Оно не сразу и не органично вводит нас в трогательную и наивную атмосферу произведения. Я бы сказала, диккенсовскую атмосферу. И текст «от авторов» (сценарий принадлежит Э. Брагинскому и Э. Рязанову) — в ином, чем пролог к фильму, ключе. Он куда более тесно связан с основным «ходом». Но, пожалуй, это единственная неточность. Может, она несколько поначалу мешает и И. Смоктуновскому, которого, как это ни странно, сперва будто больше занимает внешний своеобразный рисунок роли чудаковатого борца за справедливость... А может, это некоторая понятная робость артиста перед новым для него жанром? Зато потом... Как правдив, как точен образ этого самого Деточкина! О. Ефремов — Подберезовиков, напротив, входит в фильм сразу, сразу угадав его манеру. Так же, впрочем, как и прелестная О. Аросева, как А. Папанов, с великолепным смаком разоблачающий хапугу и стяжателя...

В фильме масса находок — смешных, иногда глуповато-смешных, но в общем стремительном ходе сюжета изящно «обыгранных», находок мудрых, поистине человечных, тех, что заставляют зрительный зал в конце концов пригинуть. Фильм продолжает ту, пока еще не очень длинную цепочку новых фильмов, новых театральных постановок — простых, трогательных, задумчивых, — которые обращаются прямо к сердцу зрителя, к самым его лучшим сторонам, тем самым, что порой бывают далеко скрыты от пескромного взгляда. Это доброе искусство. В существе своем сражающееся за человека, возвеличивающее Человека. На этот раз страхового агента Деточкина, следователя Подберезовикова, маму Деточкина, которая в молодости пела «Наш паровоз, вперед летит...».

МОЗАИКА

пародии, юморески, эпиграммы, реплики.

М. АЗОВ, Вл. ТИХВИНСКИЙ

БАСНИ-КОРОТЫШКИ

У хомяка обнаружили недостачу на сумму пять тысяч рублей. Предложили сложить полномочия, перебросили на другое место.

Там снова недостача и снова на сумму пять тысяч рублей.

Простая арифметика: от перемены мест сумма не изменяется.

* * *

Приходит муха в отдел кадров:

— У меня есть хоботок, найдите ему применение.

— Хорошо, будете тасмать бревна.

Год проходит — муха не тянет. Решили ее морально поддержать — не тянет... Материально заинтересовать — не тянет. Уволили — восстановилась по суду... и не тянет.

Мораль: не делайте из мухи слона.

Вадим БАВИЧКОВ

ЭПИГРАММЫ

«МЫСЛИТЕЛЬ»

На берегу
пустынных волн
Стоял он, дум
пустынных полн...

ЭХ, ДОРОГИ...

У русского Пегаса
Запутанная трасса —
Она от Кантемира
Дошла до антимира.

Им. ЛЕВИН

ГАЗЕТНЫЕ РУБРИКИ

ПРОИСШЕСТВИЕ

Вчера поздно вечером писатель Г. Частоколов, взломав двери, проник в издательство и вырвал рукопись своего романа, подготовленного к печати. Пойманный на месте преступления, автор заявил, что считает свое произведение еще сырым и хочет его доработать.

За срыв пломбы и попытку срыва издательского плана Г. Частоколов привлекается к строгой ответственности. Роман выйдет в установленные сроки.

СПОРТ

Длительная борьба драматурга Гаврилла Клешнина с театром закончилась крупным поражением зрителя. Счет уточняется в управлении по охране авторских прав.

ИСКУССТВО

После больших двухмесячных гастролей по городам Сибири и Дальнего Востока в Париж вернулся Ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева.

ПОРЫВЫ ВДОХНОВЕНЬЯ

— Я же вам говорил, что весной трех корзин для стихов мало!

— Вот, видали, третий день вживается в образ...

Рисунки О. Корнева и Н. Станиловского

ВАРВАРЫ

Этот озверевший молодчик прошел специальное обучение в военной школе США. Он, судя по всему, вполне подготовлен к войне в джунглях, к жестокой расправе над вьетнамскими патриотами. Тысячи таких «джи-ай», натренированных для грязной войны, посылает Пентагон далеко за океан. Численность американских войск во Вьетнаме непрерывно растет, усиливаются бомбардировки, применяются отравляющие газы, генерал Макнамара каждый месяц возвещает новое «решающее наступление», а воз и ныне там... Интервенты так же далеки от победы как и год назад.

Мужественные южновьетнамские партизаны наносят один за другим удары по захватчикам. Фронт Национального Освобождения контролирует большую часть территории Южного Вьетнама. Вьетнамская марионетка Ки не продержался бы и одного дня без помощи американских штыков. В последнее время внутриполитическое положение в стране обострилось до предела. Против Ки развернулось широкое движение буддистов, центр которых находится в городах Дананг и Гуэ. Американская печать сетует на то, что так называемые «правительственные войска» фактически перестали участвовать в операциях против партизан, так как заняты подавлением буддистов. Нужно новое пушечное мясо, и подготовка солдат в США ведется ускоренными темпами.

Новые «джи-ай», новые миллионы долларов. Но все это — деньги на ветер!

Снимок из американского еженедельника «Ньюс».

НАШИ ГОСТИ

● По приглашению Союза писателей СССР в Советском Союзе гостила делегация молодых писателей Югославии в составе поэта Блажо Шчепановича, критика Драшко Реджепа и прозаика Живко Чинго. Югославские гости побывали в Ленинграде и Киеве, посетили редакции журналов. Интересная беседа о путях развития современной литературы народов Югославии и о дальнейшем укреплении наших контактов состоялась в редакции «Литературной газеты».

● По приглашению редакции «Литературной газеты» в Советском Союзе находился польский писатель, заместитель главного редактора еженедельника «Культура» Богдан Чешко. Он встретился с московскими писателями, совершил поездку в Ленинград и Таллин.

ФАЛЬШИВОЕ ЗНАМЯ

Ю. БОЧКАРЕВ

В МУСУЛЬМАНСКОЙ вере важное место отведено догмату о пришествии махди (мессии). Он должен появиться, когда между людьми распространится нечестие, и восстановить веру. Несмотря на фантастический характер этого предсказания, в последнее время возникло подозрение, что махди уже ходит по нашей грешной земле. Подозрение падает на короля Саудовской Аравии Фейсала.

В конце 1964 года, когда наследный принц Фейсал взошел на трон, спихнув с него своего брата Сауда, сведущие в арабских делах люди характеризовали нового короля как «просвещенного монарха». Высказывались предположения, что под его руководством Саудовская Аравия вступит в эру обновления и прогресса. Фейсал и в самом деле провел кое-какие реформы. Однако их притупленный скальпель даже не прикоснулся к злокачественной опухоли феодализма — той болезни, которой поражен организм этого королевства.

Сделав несколько неуверенных шагов в сторону прогресса, Фейсал переключил свою энергию в область совершенно противоположную. Он вообразил себя махди, призванным возглавить поход за спасение мусульманской веры.

В прошлом году он созвал в Мекке всемирную исламскую конференцию, а затем выступил с призывом объединения мусульманских государств в рамках некоего союза. Речь шла даже о создании «исламского пакта», в который, как сообщалось в арабской печати, Фейсал предполагал включить, помимо его королевства, Иран, Ливию, Марокко, Иорданию, Нигерию, Кувейт, Катар, Бахрейн, Индонезию, Малайзию и некоторые другие страны.

В декабре прошлого же года Фейсал посетил Тегеран, а в январе этого года пожаловал в Амман. По единодушному мнению печати, переговоры, которые там вел Фейсал, касались создания «исламского союза». Покидая Иорданию, Фейсал увез с собой два сувенира: ключ от Иерусалима, сделанный из оливкового дерева, и золотой ключ от Аммана. Со своей стороны он преподнес королю Хусейну сто тысяч фунтов стерлингов на реконструкцию знаменитой мечети Омара.

Несмотря на эти трогательные обмены любезностями, результаты визитов Фейсала в Тегеран и Амман оказались не совсем такими, на какие он рассчитывал. О создании «исламского пакта» ничего в опубликованных коммюнике не говорится. Однако предполагается созвать в течение нынешнего года «исламское совещание в верхах» с целью «установления солидарности мусульманских стран в широком плане». Мусульмане, заявил Фейсал на приеме, устроенном в его честь в королевском дворце в Аммане, должны сплотиться, чтобы защитить себя и свое будущее от грозящей опасности.

ИСТОРИЯ мусульманских стран изобилует примерами того, как знамя ислама использовалось в спекулятивных политических целях. И на сей раз попытки объединения ряда стран под тем же знаменем преследуют не религиозные, а политические цели.

Бросается в глаза, что в перечне стран, предназначенных к участию в союзе, задуманном Фейсалом, нет ОАР, Сирии, Алжира, Гвинеи, Мали. А ведь и в этих странах господствует мусульманская религия. Отчего же их исключили из числа возможных участников «исламского союза»? Не оттого ли, что отбор кандидатов в него производится не по религиозным, а по политическим критериям?

Что представляют собою режимы тех стран, которые Фейсал хотел бы поставить под свое знамя? По большей части это режимы, связанные военными соглашениями с империалистическими державами, а некоторые и вовсе находятся под их политическим контролем. За бортом же «исламского союза» оставляют те государства, которые твердо стоят на позициях неприсоединения, идут в авангарде национально-освободительного движения.

РОКОВОЙ свет на апокрифическую деятельность Фейсала бросает факт ее совпадения с теми трудностями, которые переживает в последнее время британская политика «к востоку от Суэца». В основе этой колониалистской политики лежит стремление Англии быть «сильной» в районе Индийского океана. Ей нужна сила для защиты капиталовложений британских монополий в странах Персидского залива и Малайзии.

Долгое время краеугольным камнем военно-стратегической системы британского империализма в районе Аравийского полуострова служила английская база в Суэцком канале. После прихода к власти в Египте правительства Насера ее пришлось ликвидировать, точнее говоря, перенести в Аден. Но борьба патриотов Южной Аравии за национальное освобождение обесценила значение и этой базы. В опубликованной в начале этого года английским правительством Белой книге сообщается о его намерении оставить аденскую базу. Ее предполагается заменить новыми, которые будут созданы на близлежащих коралловых островах.

Уход английских войск с территории Аравийского полуострова вызывает у британских нефтяных компаний большое беспокойство. Валерьяновые капли заверений английского правительства о том, что и после ухода из Адена Англия сохранит в районе Персидского залива несколько опорных пунктов, не производят действия. Компании требуют дополнительных гарантий. Они не хотят рисковать той четвертью миллиарда фунтов стерлингов, которую они ежегодно получают в виде чистой прибыли от эксплуатации средневосточной нефти.

Тревогой охвачены и американские нефтяные компании, которым принадлежит почти две трети добычи нефти в районе Персидского залива. Вопрос о том, как заполнить «стратегический вакуум», который возникнет в Аравии после ухода английских «томми», был предметом неоднократных обсуждений между руководящими деятелями США и Англии. Американское правительство обещало своему союзнику полную поддержку в перебазировании из Адена на коралловые острова. Но чем все же заполнить «вакуум» на полуострове?

Вот тут-то и появился на свет план создания «исламского пакта» с центром в Саудовской Аравии, которую Фейсал, по свидетельству тунисского журнала «Жен Африк», считает «естественным наследником английского влияния в Персидском заливе».

О потайных пружинах механизма «мусульманской солидарности» говорит и такой факт. В тот момент, когда Фейсал находился в Аммане, в Тегеран прибыл министр иностранных дел «теневого кабинета» английских консерваторов Кристофер Соумс. В интервью местной газете «Кейхан интернэшнл» он заявил, что приветствовал бы решение Ирана и Саудовской Аравии взять на себя «большую ответственность» за обеспечение «стабильности» в районе Персидского залива, в чем заинтересована Англия.

По мнению иностранных наблюдателей, из идеи создания «исламского пакта», по всей видимости, ничего не выйдет. В Тегеране и Аммане к этой идее, похожей на новую версию Багдадского пакта, отнеслись как будто с холодком. Однако те же наблюдатели не исключают возможности создания политической группировки мусульманских государств в виде «исламского фронта» или «исламской организации». Во всяком случае, они считают, что для этого существуют политические и идеологические предпосылки.

АРАБСКИЙ мир, несомненно, вступает сейчас в период переоценки идеологических ценностей. Все большее распространение приобретают идеи социализма. Они дают ключ к решению сложных проблем, вставших на повестку дня сразу же после завоевания национальной независимости. Убеждают в этом даже скептиков огромные успехи в развитии экономики и культуры Советского Союза и других социалистических стран.

Идеи социализма распространяются и в тех арабских странах, правители которых ведут против них борьбу. Автору этих строк во время недавнего пребывания в Сирии рассказывали, что люди, сопровождающие верблюжьи караваны из Саудовской Аравии, нередко закупают марксистскую литературу, особенно произведения В. И. Ленина. Этим путем марксистская литература проникает в страну, где на нее наложен строжайший запрет.

Заметно ослабление религиозного рвения у некоторой части арабского населения, особенно городского. Во время той же поездки я обратил внимание одного моего собеседника в Аммане на резкое сокращение посещаемости мечетей в городах. На проповедях, за которыми следует молитва, я видел чаще всего лишь стариков да резвящихся детишек.

Мой собеседник сказал, что это знамение времени. Прежде люди все надежды на улучшение их жизни возлагали на бога, так как собственным трудом они ничего добиться не могли. Сейчас другое дело. Ряд арабских стран вступил в полосу экономического бума. Строят промышленные предприятия, школы, жилые дома, сооружают плотины, электростанции, ирригационные системы, ключом бьет культурная и научная жизнь. Наступило время, когда знания и хорошая профессия становятся основой благополучия, и, понятно, у деловых людей не остается времени на посещение мечетей.

Это не означает, что арабы становятся атеистами. Напротив, подавляющее большинство населения все еще составляют верующие. Однако жизнь показывает, что религиозные убеждения не могут служить серьезной помехой для переустройства жизни на новый, социалистический лад.

Силы реакции, империализма кооперируются с целью совместных действий против «рассадников» социалистических идей. Идея Фейсала об объединении мусульманских государств, несомненно, появилась на свет как продукт такого сотрудничества.

Этому объединению хотят придать религиозную окраску, осенить его знаменем ислама. Однако, как и в других случаях, под видом борьбы за спасение ислама, преследуются вполне определенные политические цели. «Модернизированный и интеллигентный принц (Фейсал), — иронически пишет французский журнал «Экспресс», — который ловко сумел положить на лопатки Сауда, старого средневекового властелина, представляется ныне единственным главой государства на Среднем Востоке, способным строить козни против наеровского динамизма».

Разумеется, дело тут не в противопоставлении личностей, а в тех совершенно различных политических курсах, проведение которых в жизнь связано с определенными именами. Прогрессивным государствам хотят противопоставить фронт арабской реакции, чтобы расколоть арабское единство, подменив его «исламским пактом». А это вещи совершенно разные. Арабское единство основано на идее борьбы против империализма. Единство же, к которому стремится Фейсал, основано на фактическом союзе арабской реакции с империализмом.

После уроков, полученных во Вьетнаме и в Доминиканской Республике, империализм несколько меняет тактику борьбы против прогрессивных сил в странах «третьего мира». Главную ставку он делает на местную реакцию, содействуя ее объединению и направляя ее действия. Руками реакции, объединенной в рамках «исламского пакта», империалисты хотели бы бороться против социальных перемен в арабском мире, против распространения идей социализма и прогресса. Но эта борьба не имеет шансов на успех. И свидетельство тому — те трудности, которые испытывает Фейсал в попытках найти союзников, готовых встать под его фальшивое знамя.

200 МИЛЛИОНОВ ПОД НАДЗОРОМ

ОГОВОРЮСЬ сразу: этот заголовок я позаимствовал. Он взят из последнего номера журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», который обратился с таким предостережением к своим читателям: «Ваши личные свободы в опасности. Вся ваша жизнь может стать известной правительству и подвергнуться официальному надзору. Такова нынешняя тенденция».

Кое-кто из читателей может усмехнуться: разве можно проследить каждый шаг — нет, не королей уголовного мира, не содержателей тайных притонов, а двухсот миллионов человек, то есть всей Америки? Не блеф ли это?

Давайте обратимся к фактам.

ОДНАЖДЫ в Нью-Йорке состоялась любопытная пресс-конференция. Каждое слово, сказанное на ней, записывалось магнитофонами, легко умещавшимися в жилетных карманах присутствовавших. Радиопередатчики, вмонтированные в пряжки брючных ремней, передавали ответы и вопросы, а украшения находившихся в зале дам были снабжены микрофонами, разглядеть которые можно было разве что с помощью лупы.

Эту пресс-конференцию устроили для рекламы. Ее организовала фирма «Континентал телефон энд радио», основной в стране поставщик средств подслушивания и подглядывания. «До свидания, — обратился на прощание к гостям владелец фирмы, — и не говорите по телефону ничего, что не следовало бы знать третьим лицам». Большинство клиентов «Континенталя», однако, как раз и являются такими «третьими лицами». Кто главный потребитель потайных магнитофонов, устройств для прослушивания сквозь самые толстые стены, хитроумных приспособлений, присоединяемых к телефонам, и фотоаппаратов величиной с пиджачную пуговицу? Это всякого рода правительственные учреждения, развернувшие всеобъемлющую, доведенную почти до совершенства систему массового шпионажа.

За американцем тайно следят чуть ли не со дня его рождения. Следят школьные наставники и маститые профессора университетов, налоговые инспектора и полиция, агенты Федерального бюро расследований и почтовое ведомство. Три миллиона человек, работающих или когда-либо искавших работу в правительственных учреждениях, прошли детальнейшую проверку «лояльности». Миллионы находятся под негласным полицейским надзором. Что же касается ФБР, то для него тем более не существует секретов. О масштабе его деятельности говорит хотя бы тот факт, что оно располагает богатейшей коллекцией — отпечатки пальцев 167 миллионов жителей США.

Переписка любого лица может быть вскрыта. Его счет в банке всегда доступен для секретной ревизии. Его доверительные беседы с адвокатом, врачом, даже с собственной женой невозможно утаить от ушей, вмонтированных в стены деловых кабинетов и супружеских спален. Как-то юридической комиссии американского сената понадобилась та сторона деятельности федерального налогового управления, которая обычно тщательно скрывается от налогоплательщиков. И она докопалась до такого факта: в 32 городах Соединенных Штатов существуют подслушивающие системы налогового ведомства. Но сколько бы потайных магнитофонов ни имело налоговое управление, разве не более красноречив тот факт, что каждый его агент в совершенстве обучен обращению с обычной воровской отмычкой?

— Где вы были в ночь на..? Рисунок художника Энгельгарта из американской газеты «Сент Луис пост-диспэтч».

Наш век электроники внес свою лепту и древнее ремесло шпионажа. По распоряжению федеральных властей, в Соединенных Штатах имеется сейчас две с половиной тысячи счетно-решающих машин, обрабатывающих сведения о миллионах «поднадзорных».

На уникальной «фабрике слежки» перерабатывают все — сплетни и доносы, правду и вымысел. Достаточно простого нажатия кнопки... Впрочем, и это предприятие, содержание которого обходится в 2 миллиарда долларов в год, уже не справляется с потоком информации. Специальная комиссия, назначенная президентом Джонсоном, разрабатывает сейчас проект создания нового центра, куда будет стекаться весь «улов» массового шпионажа. В Вашингтоне надеются, что в недалеком будущем такой центр сможет обрабатывать 160 миллионов фактов и сведений всего лишь в течение 20 секунд.

ИТАК, тотальная, изощренная, унизительная слежка за 200 миллионами людей — это не детективный вымысел, не фантазия. Это реальность, которая должна уже тревожить многих американцев. Они задумываются над тем, что скрывается за фасадом «демократических институтов», украшенным гарантиями конституционных свобод. «Я должен сообщить, что свобода личности, то есть право войти в собственный дом, не опасаясь, что кто-то тайно следит за каждым твоим шагом, право говорить, не боясь скрытых магнитофонов, — это право игнорируется и попирается», — так выразился однажды сенатор Эдвард Лонг.

Что можно добавить к этому признанию? Не звучит ли оно насмешкой над наивной иллюзией «абсолютно стопроцентного американца» в том, что он живет «в стопроцентно свободной» стране?

Александр ДРУЖИНИН

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону).

II. «КИЧ» — ДЕШЕВАЯ ПРИМАНКА!

МИЛАН ВЕСНОЙ

Б. ГАЛАНОВ

НА ГЛАВНОЙ ярмарочной площади находится здание с эмблемой кинопленки над входом. Это рынок художественных, документальных и телевизионных фильмов (Мифед). На его этажах разместились конторы киноэкспортных организаций разных стран. Здесь же и представительство Совэкспортфильма. В этом году Советский Союз впервые прислал фильмы на миланскую ярмарку. В хорошо оборудованных кинозалах с утра до позднего вечера демонстрировались национальные кинопрограммы. Входите в любое время дня, смотрите, пожалуйста, фильмы и заключайте сделки на куплю-продажу. Ярмарка предлагала покупателям не только промышленные, индустриальные, но и духовные ценности.

Впрочем, один из залов десятка просмотровых залов гораздо чаще использовался для заседаний. Здесь ежедневно собирались кинокритики и кинокритики 20 стран — участник третьей по счету недели Международной федерации кинопрессы (Фипресси). Всех нас любезно принимала дирекция Мифеда. Все мы были ее гостями.

Кадр из фильма Алена Рене «Война окончена». В главной роли Ив Монтан.

Снимок из французского еженедельника «Леттр франсез».

Однако, прежде чем поделиться с читателями впечатлениями о недавно закончившейся неделе кинокритики, нужно сказать несколько слов о самой Фипресси. Эта международная организация существует не первый год. В борьбе за прогрессивное киноискусство, свободное от духа коммерции, у Фипресси есть свои достижения. Достаточно напомнить, что на международных фестивалях премией кинокритики не раз отмечались достойнейшие — «Четыре дня Неаполя», «Двое», «Двадцать часов», «Это спортивная жизнь», «Тараумара» (мексиканский фильм, который скоро увидят советские зрители) — и что в своих оценках фильмов жюри кинопрессы неоднократно расходилось с оценкой официального жюри каннского и венецианского фестивалей.

В МИЛАНЕ оживленную дискуссию вызвал доклад итальянского кинокритика Лино Мичикко «Условия существования кино как искусства».

Жаркая перепалка вспыхнула в связи с замечанием одного оратора, что на Западе любой фильм без особенной борьбы может стать достоянием зрителей, была бы только у режиссера возможность его поставить. Председатель Ассоциации французских кинокритиков г-жа Вера Вольман своевременно напомнила о драматическом сражении, развернувшемся в эти самые дни во Франции, где по требованию католических кругов был наложен запрет на фильм Жака Ривэтта «Монахиня» — экранизацию одноименного романа Дидро. О другом факте дискриминации в тот же самый день сообщили итальянские и французские газеты. По настоянию испанского правительства не был допущен для официального показа на фестивале в Канне антифранкистский фильм французского режиссера Алена Рене «Война окончена» с Ивом Монтаном в главной роли.

Большую часть своего доклада Мичикко посвятил критике коммерческого, так называемого кассового кинематографа. Сейчас на Западе в ходу модное выражение «кич». Словечком «кич» Мичикко определял все те средства, которые в искусстве кино используются как соблазнительная приманка для зрителей, включая добрую порцию секса, нагромождение ужасов, насилие и т. п., но с подлинным искусством ничего общего не имеют. Это недорогостоящий товар, хотя бы на постановку фильма были затрачены баснословные суммы.

С такой оценкой все мы, пожалуй, были согласны. Тут все сошлись, все оказались единомышленниками. Речь шла об эффективных средствах борьбы с коммерческим, «продюсерским» кинематографом, и не только с ним — с условиями, его порождающими, с буржуазной моралью, с отношением к кино как к ходкому товару и с нетребовательными вкусами тоже. И, конечно же, речь шла о роли критики в этой борьбе.

Для прогрессивного киноискусства Запада противодействие экспансии коммерческого кинематографа имеет значение первостепенное. Кое-какие практические выводы напрашиваются и для нас. В самом деле, франко-итальянский боевик «Подвиги Геракла», типичное детище коммерческого кинематографа, обошел ведь и наши экраны. Вполне вероятно, что зрители, мало знакомые с поэтическим миром античной мифологии, простодушно приняли фальшивую монету за настоящую. Но тем-то и опасны фильмы, имитирующие подлинное искусство, подлинные социальные отношения подменяющие ложными. Значит, поддержкой произведения прогрессивных мастеров Запада, нужно выставлять более мощные заслоны против изделий коммерческого кинематографа. Это тоже одна из действенных форм поддержки прогрессивного искусства.

ДВА новых итальянских фильма, с которыми нас познакомили в Милане, представляют пример серьезного исследования острых социальных проблем без всяких скидок и подлаживания к запросам рыночного кинематографа. Фильм режиссера Антонио Пьетранджели «Я хорошо ее знал» недавно демонстрировался в Москве во время встречи советских и итальянских кинематографистов. Это горькая история деревенской девушки, приехавшей в город с мечтой о славе, карьере, материальном достатке и погибающей среди черствых, равнодушных людей. Бесследно могла пройти ее жизнь, незамеченной остаться и смерть. Ведь после самоубийства героини фильма не осталось письма, оправдывающего ее или осуждающего других. Но это ненаписанное письмо, эту историю неудавшейся жизни молодой женщины как бы вместе с нами прочитал режиссер фильма, взявший на себя роль защитника, судьи, прокурора и, наконец, просто свидетеля происшедшей драмы.

Фильм «Пора нашей любви» режиссера Ванчини только что закончен. Кажется, его мало кто успел посмотреть даже в Италии. Советские зрители знают имя Ванчини по фильму «Долгая ночь 1943 года». В новой своей картине — четвертой по счету — Ванчини рассказывает историю человека, пережившего глубочайший душевный кризис. Герой фильма, в прошлом участник движения Сопротивления, постепенно разочаровывается в старых товарищах по антифашистской борьбе, не находит счастья в любви. Хорошо, конечно, что художник по-прежнему не избегает трудных проблем и нас, зрителей, приглашает к ним прикоснуться, испытать их силу и остроту.

Но те, кто помнит суровых, бескомпромиссных героев «Долгой ночи 1943 года», будут, вероятно, не удовлетворены новым, хоть и талантливо сделанным фильмом Ванчини. Подвергнув все испытанию временем, к чему же в конце концов приходит его герой? После безобразной сцены в маленьком придорожном кафе, когда в приступе слепого отчаяния он крушит вокруг себя все, доверчивая улыбка девушки, которую он тоже жестоко обидел, как будто возвращает ему душевное равновесие. Жизнь продолжается с новыми заботами и новыми радостями. Новое поколение, «младое, не знакомое», сменяет предшествующее. Увы, невозможно принять такой финал как ключ к решению всех вопросов. Улыбка Кабирии осветила в свое время фильм Феллини, так же как улыбка маленькой девушки-официантки в финале «Сладкой жизни». Здесь этого не случилось.

Однако возвратимся к итогам международной недели кинокритики. Главный вывод, который хочется сделать, на мой взгляд, заключается в том, что при всей остроте споров здесь царил дух взаимопонимания или по крайней мере взаимного желания лучше понять друг друга. Я думаю, что тема дискуссии, единодушно одобренная для встречи в будущем году, — «Критерии критики» — с докладами представителей Англии и Югославии, поможет критикам Востока и Запада еще лучше узнать друг друга.

МОИ заметки поневоле получились пестрыми. Но пестрыми были и впечатления миланской недели. В день отъезда из Рима, как и в день приезда, я вновь увидел в аэропорту за металлической ширмой бара знакомые лица забастовщиков. Они не прекратили сопротивления. Начиналась третья неделя борьбы.

МИЛАН

Окончание. Начало см. «Литературную газету» от 17 мая.

ФЕСТИВАЛЬ ДРУЖБЫ

В календарь культурной жизни Индии нынешняя весна внесла праздничные краски: в апреле начался фестиваль индийской и советской культуры и искусства, который продлится целым месяц. Его инициатор — Индийско-советское общество по развитию культурных связей. В фестивале принимает участие делегация деятелей советской культуры во главе с писателем лауреатом Ленинской премии Чингизом Айтматовым. В Хайдерабадском дворце состоялась встреча премьер-министра Индии Индиры Ганди с членами делегации.

Советские и индийские артисты дают совместные концерты в разных городах страны. В Доме Рабиндранатха Тагора в Дели открылась выставка индийских и советских художников.

В семинаре «Литературно-советской и индийской литературы» участвовали Саджад Захир, Р. Дханджая и другие известные писатели и критики. Главная задача современной литературы, подчеркивали выступавшие, заключается в том, чтобы правдиво отображать жизнь общества, исследовать социальную и психологическую сущность человека, звать людей на борьбу за лучшее будущее мира. С большим вниманием участники семинара выслушали доклад Чингиза Айтматова о советской литературе, ее успехах и проблемах.

«Я уверен, что фестиваль будет способствовать дальнейшему развитию всесторонних связей между Советским Союзом и Индией», — заявил президент Индии С. Радхакришнан.

Хроника

● По приглашению общества «Италия — СССР» в Рим с двухнедельным визитом отправился главный редактор журнала «Иностранная литература» Б. Рюриков.

● В Польской Народной Республике находятся советские писатели Г. Гулиа, Ю. Нагибин, А. Смердов, В. Тендряков. Делегация примет участие в днях книги в связи с празднованием 1000-летия Польского государства.

Фельетон

ВОЛОСЫ — ДЕЛО ТОНКОЕ

Н. РАЗГОВОРОВ

ТЕМ французским таможенным чиновникам, которые получили классическое образование и в чьей памяти засело средневековое латинское изречение «Vir pilosus, aut fortis, aut luxuriosus» — «Муж волосатый, или сильный, или богатый» (примерно так его можно перевести на русский язык), приходится сейчас самым решительным образом пересматривать свое отношение к «волосатым мужам».

Дело в том, что «волосатость» перестала считаться признаком состоятельности, и, напротив, как сообщает парижский еженедельник «Экспресс», «отныне, чтобы вступить в пределы Франции, каждый индивидуум, какого бы происхождения он ни был, — шведского, немецкого, или англо-саксонского, — если волосы у него доходят почти до плеч, обязан доказать, что он не праздношатающийся бродяга».

Эта мера входит в проводимую во Франции «антибитническую» операцию. «Война, — пишет «Экспресс», — была объявлена в марте и будет продолжаться все лето».

Французские парикмахеры не преминули откликнуться на эту «кампанию».

— А так вы меня пропустите? — спрашивает на одном из рисунков наголо обритый молодой человек, очевидно, только что пожертвовавший своей пышной шевелюрой. Эта жертва несомненно должна облегчить ему въезд во Францию, но, как ни странно, предстань он в таком «блестящем» виде перед таможенниками США, у него возникли бы новые непредвиденные осложнения. Американский чиновник, глядя на выбритую голову, мог бы смело предположить, а нет ли в рюкзаке ее обладателя какого-нибудь парика, чтобы при случае принять совсем иной вид. Относительно волос, растущих на голове, насильно нам известно, в США не издано никаких распоряжений, но зато, что касается париков, так они подвергаются на таможнях самому дотошному контролю.

Чем это объясняется? Тут позволительно высказать ряд догадок. Возможно, что США ограничивают ввоз париков из протекционистских соображений. Французский еженедельник «Нувель Обсерватер», в статье, озаглавленной «О волосах известно все, кроме средства, как заставить их расти снова», писал на днях, что в США все более широкое распространение приобретает метод пересадок шевелюры с затылочной части головы в ее иные передевшие парики, как средство борьбы с выпадением

волос. «Пересаженные волосы, однако, — отмечает еженедельник, — имеют тенденцию становиться очень жесткими и «торчат» весьма некрасивым образом». Очевидно, этот многообещающий американский способ нуждается еще в дальнейшем развитии и в защите от иных конкурирующих приемов видоизменения шевелюры.

Но с таким же основанием можно предположить, что американские власти обратили внимание на недавно опубликованные в Англии результаты исследований группы ученых из Олдермастона. Как сообщила газета «Санди экспресс», при исследовании с помощью атомных реакторов и соответствующей радиации было обнаружено, что волосы содержат в мельчайших дозах марганец, медь, натрий, бром, хлор, ртуть и золото. Причем по содержанию золота женские волосы превосходят мужские. Ввоз же драгоценных металлов всегда подвергался таможенному контролю. Так что, возможно, что парики...

И все же, сколь ни кажутся научно обоснованными обе эти догадки, пристальное внимание американских властей к парикам имеет совершенно иные, не экономические, а... политические основания.

«Большинство продаваемых в США париков, — пишет «Фигаро», ссылаясь на «Нью-Йорк геральд трибюн», — ввозится из Европы; самые лучшие, ручной работы, делаются из испанских и итальянских кос...» Для более дешевых, изготовляемых машинным способом, европейские поставщики покупают волосы в странах Азии.

«Эти темные волосы покалались вдруг слишком «красными», — иронически сообщает «Фигаро», — американское правительство решило запретить ввоз каких бы то ни было париков, состоящих из «азиатских» волос».

Каким путем «красные» парики могут повлиять на умонастроения неосторожно надевших их американцев, остается тайной, пока еще не освещенной в прочитанной нами зарубежной прессе. Однако Англия, Бельгия, Западная Германия, Италия и некоторые другие страны вынуждены были дать Вашингтону специальные поручительства, гарантирующие, что в производимых ими поставках не будет содержаться ни одного волоса «азиатского» происхождения.

Вот в какую тугую косу переплелись политика и экономика в шевелюрном вопросе на американском континенте.

Впрочем, иной — более традиционный — вариант такого политико-экономического переплетения можно обнаружить и на европейской земле. Стоит лишь призадуматься над тем обстоятельством, что во Францию, как сообщает «Экспресс», был открыт путь одному выходцу с Британских островов, который был «весь покрыт волосами», но в «подтверждение» того, что он «не праздношатающийся битник», смог предъявить чиновникам сто тридцать фунтов стерлингов. Это не первый случай в буржуазном мире, когда хорошее состояние бумажника заставляет закрыть глаза на дурное состояние головы.

Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Армянской ССР извещают о кончине известного армянского поэта и прозаика

Ваграма АЛАЗАНА

(Габуэяна Ваграма Мартиросовича),

последовавшей 17 мая 1966 г. в гор. Ереване, и выражают глубокое соболезнование семье покойного.

Правление Союза писателей СССР, правление Союза писателей Украины с глубоким прискорбием сообщают о безвременной смерти известного украинского писателя

Юрия Петровича

ДОЛЬД-МИХАЛИКА

и выражают соболезнование семье покойного.

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — Б 4-06-05, иностранный — Д 4-03-48, информации — К 4-06-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 6-00-00.

ИНДЕКС 50667 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. В—03976

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.

Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. ЕУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).